

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**«УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА»**

И.И. Замощанский

А.М. Конашкова

А.Н. Мосиенко

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

*Рекомендовано в качестве учебно-методического пособия
к самостоятельной работе студентов
технических направлений подготовки*

ООО «Издательство УМЦ УПИ»

2015

УДК 101.1:316

ББК 87.6

3 26

Замошанский И.И., Конашкова А.М., Мосиенко А.Н.

3 26 Социальная философия: человек и общество: учебно-методическое пособие к самостоятельной работе студентов / Замошанский И.И., Конашкова А.М., Мосиенко А.Н. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2015. – 124 с.

ISBN 978-5-8295-0390-1

В учебно-методическом пособии представлен раздел социальной философии как один из самых динамично развивающихся в гуманитарной науке. Большое внимание уделено осмыслению ключевых проблем в современной социальной философии, таких как социальность, гендер, персональная идентичность, свобода и ответственность, техницизм, гуманизм, их значения как важнейшей составляющей духовно-ценностного освоения действительности.

В пособии дано изложение основных идей важнейших философских учений XX столетия, исследующих проблему социальности, даны определения используемых философских терминов. В каждом разделе приведены фрагменты оригинальных произведений философов, даны необходимые методико-дидактические указания и предлагаются вопросы и задания для самоконтроля и саморазвития, задания для активных форм обучения, призванные облегчить понимание и запоминание материала,

Предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей и всех, интересующихся актуальными проблемами современной социальной философии.

УДК 101.1:316

ББК 87.6

Рецензенты

Доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии
и социальных технологий управления УрФУ

Ольховиков К.М.

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной философии УрФУ

Красавин И.В.

ISBN 978-5-8295-0390-1

© ФГАОУ ВПО УрФУ, 2015

© Замошанский И.И., Конашкова А.М., 2015

© Оформление. Издательство Уральского
федерального университета, 2015

ВВЕДЕНИЕ

В курсе «Философия» раздел «Социальная философия» занимает особое место, так как относится к одному из самых актуальных аспектов современной гуманитарной науки. Специфической чертой рассмотрения социально-философской проблематики является знакомство студента с основными концепциями современных социальных исследований, осмысление и обсуждение проблем современного общества.

Методологическим инструментом познания современного общества выступает повседневность как мир человека, в котором имеют место заданность мыслительных и деятельностных характеристик человека. В разделе «Социальная философия: человек и общество» мы стремимся показать, что реальность, окружающая человека - это социальная реальность. Более того, все аспекты человеческой сущности, такие как сознание, бессознательное, телесность, традиции есть порождения определенного общества. Именно поэтому, общество предстает в виде системы, которая имеет тотальное значение, всепроникающее присутствие на уровне речи и языка, поведения и деятельности, межличностных отношений и политики, пространственно-временных координат.

Социальное пространство и время, общественное сознание, социальная обусловленность телесного поведения позволяют говорить о том, что мир в целом, который традиционно стремилась познать философия как общая теория бытия, есть, прежде всего, мир социальный. В социальном мире производятся новые идеи, управляют информационной реальностью

определенные стереотипы, появляются новые формы поведенческих реакций.

Понимание того, что общество порождается индивидами, открывает возможность увидеть новые способы организации деятельности и совместного бытия людей. Понимание того, что общество порождает определенных индивидов, оказывая влияние на их мировоззрение, желания, целеполагание, позволяет понять объективные причины, по которым социальное развитие движется определенным образом.

Именно данный методологический инструментарий выводит на первое место активные формы обучения, посредством которых студенты познают тотальное влияние социума на все виды мышления и деятельности.

Определенный тип повседневности (социальности) выступает горизонтом бытия человека и задает определенные рамки мировоззрению индивида. Это проявляется на том уровне восприятия человеком мира, который в курсе «Философия» был обозначен как «социальный уровень мировоззрения». С этой точки зрения важно изучить то, как общество производит человеческие ценности, способы коммуникаций, постоянно воздействуя на человеческое самосознание.

Такой подход особенно актуален для студентов технических направлений подготовки, для которых важно понять, что техника - это продукт социальности, в ней заложен ценностный компонент общества определенного типа, а технический мир - это разновидность искусственного социального мира, его подсистема.

Цель учебно-методического пособия - введение в современную социально-философскую проблематику, понимание социальной обусловленности человеческого существования.

Задачи учебно-методического пособия:

1. сформировать навык социально-философского осмысления общества;
2. развить понимание мира человека как мир социального;
3. рассмотреть человека (его поведение, привычки, образ жизни) как результат воздействия определенного типа социальности и повседневности;
4. рассмотреть технику как продукт социального развития.

Учебно-методическое пособие содержит три темы, раскрывающие аспекты общества в отношении к человеку, его мировоззрению, самосознанию и поведению: общество как мир человека; человек и общество; общество и техника.

Изложение материала в настоящем учебно-методическом пособии осуществляется в форме комплексной системы обучения, которая позволяет улучшить процесс обучения, помогает студентам быстро и детально освоить материал, сформировать исследовательские навыки, которые студенты в дальнейшем смогут использовать в учебном процессе. Эта система включает в себя:

- перечень основных понятий (философский словарь), который помогает студентам повторить материал и проверить понимание основных вопросов;
- вопросы и задания для самоконтроля, которые способствуют критическому осмыслению материала, выработке ответов, не имеющих однозначного решения;

- учебные задачи (работа с фрагментами первоисточников), которые способствуют более глубокому изучению материала, позволяют приобрести дополнительные знания учебного курса, познакомиться с научным стилем изложения;
- научно-исследовательские проекты (доклады и задания повышенной сложности), предлагаемые в конце каждого раздела, позволяют решать такие задачи образования как саморазвитие и самосовершенствование студентов, способствуют формированию способов продуктивной деятельности, преодолению интеллектуальных трудностей.

Организация семинарских занятий по разделу «Социальная философия» содержит в качестве цели осознание обучающимися себя существами социальными: в поведении, желаниях, целях, продуктах деятельности.

Умение теоретически осмыслять социальную реальность есть базовая компетенция для позитивного социального проектирования, возможности в целеполагании выйти за пределы повседневной реальности для творческого создания новых социальных феноменов.

РАЗДЕЛ 1

ОБЩЕСТВО КАК МИР ЧЕЛОВЕКА

План:

1. Общество на уровне мировоззрения и воспитания.
2. Тело и общество.
3. Традиции как устойчивые образцы коллективного действия.
4. Повседневность как мир человека.

Философский словарь:

Общество, социальная среда, общественная психология, массовое сознание, пол, гендер, гендерные концепции, социальные роли, социальные стереотипы.

Фрагменты первоисточников:

Женщиной не рождаются, ею становятся. Ни биология, ни психика, ни экономика не способны предопределить тот облик, который принимает в обществе самка человека. Существо, называемое женщиной, ..., могло возникнуть только под воздействием всех сторон цивилизованной жизни. Лишь при общении с другими людьми индивид может осознать себя Другим. (...)

Дети обоих полов одинаково кокетничают для того, чтобы завоевать любовь взрослых. До двенадцатилетнего возраста девочка так же крепка физически, как и ее братья, их интеллектуальные способности ничем не отличаются, и она

может соперничать с ними в любой области. И если нам кажется, что в девочке еще задолго до половой зрелости, а иногда и с самого раннего детства проявляются специфические признаки ее пола, то это не потому, что какие-то загадочные инстинкты с рождения обрекают ее на пассивность, кокетство и материнство. Дело в том, что с самого рождения ребенок живет среди людей и девочке с первых лет ее жизни настойчиво внушают мысль о ее предназначении.

Когда ребенок растет, он борется против первородной отчужденности двумя способами. С одной стороны, он стремится отвергнуть разрыв: он прижимается к матери, стремится ощутить ее живое тепло, требует ласки. С другой стороны, он пытается оправдаться, заслужив одобрение других людей. На взрослых он смотрит как на божества: ведь они могут наделить его тем или иным обликом. Он испытывает магию взгляда, способного превратить его то в очаровательного ангелочка, то в чудовище. Эти два способа защиты не исключают один другого, напротив, они взаимодополняющи и взаимопроникающи. Когда ребенку удастся понравиться, чувство самооправдания подтверждается телесно; его целуют и ласкают. Как во чреве своей матери, так и под ее ласковым взглядом ребенок испытывает одно и то же чувство - счастливой пассивности. В течение первых трех-четырех лет жизни и мальчики и девочки ведут себя одинаково: все они стремятся продлить счастливое состояние, предшествующее отнятию от груди, у тех и у других можно наблюдать, как стремление расположить к себе, так и кривляние;

мальчикам, как и их сестренкам, хочется нравиться, вызывать улыбки и восхищение. (...)

Вот тут впервые девочки оказываются в лучшем положении, чем мальчики. Это как бы второе отнятие от груди, менее резкое, чем первое, в результате которого ребенок постепенно лишается телесных контактов с матерью. Но в поцелуях и ласках особенно настойчиво отказывают мальчикам, девочку же продолжают ласкать, ей позволяют постоянно быть рядом с матерью, отец сажает ее на колени, гладит по головке, ее одевают в платьице самых нежных цветов, прощают ей слезы и капризы, тщательно причесывают, забавляются ее гримасами и кокетством. От страха перед одиночеством ее оберегают прикосновения и снисходительные взгляды. Мальчику, напротив, запрещают любое кокетство, его попытки понравиться, кривляние вызывают раздражение. «Мужчины не просят, чтобы их целовали... Мужчины не вертятся перед зеркалом... Мужчины не плачут...» - говорят им. Взрослые хотят, чтобы мальчик был «маленьким мужчиной», и он может заслужить их одобрение, только проявляя независимость. Он нравится им только тогда, когда не стремится понравиться. (...)

Однако если поначалу к мальчику относятся более строго, чем к его сестренкам, то это потому, что с ним связывают более значительные планы. Требования, которые к нему предъявляют, сразу же ставят его выше девочки. (...)

Что касается девочки, то она не может отождествить себя с какой-либо частью своего тела. Взамен этого ей дают

посторонний предмет - куклу, она-то и должна выполнять роль alterego (сверх-я) для девочки. Кукла - это целый человечек, с туловищем и конечностями, а во-вторых, в том, что кукла - это неживой предмет. (...) Вследствие этого девочку побуждают полностью отказаться от своей личности и рассматривать ее как нечто пассивное, ... девочка, лаская и наряжая куклу, мечтает о том, чтобы ее ласкали и наряжали точно так же, она начинает смотреть на себя как на чудесную куклу! Похвала и выговоры, картинки и слова доводят до ее сознания значение слов «красивая» и «безобразная», вскоре ей становится ясно, что для того, чтобы нравиться, нужно быть «хорошенькой, как на картинке», и она стремится быть похожей на картинку, наряжается, вертится перед зеркалом, сравнивает себя со сказочными принцессами и феями. Об удивительном примере подобного детского кокетства рассказывает Мария Башкирцева. От четырех до пяти лет у нее была сильная потребность нравиться, привлекать внимание окружающих, и в этом нет ничего случайного. Дело в том, что ее поздно, в возрасте трех с половиной лет, отняли от груди, и для такого большого ребенка удар был, по-видимому, очень жестоким, необходимость пережить вынужденное отдаление от матери порождала в ней глубокие чувства. «В пятилетнем возрасте, - пишет она в своем дневнике, - я заворачивалась в мамины кружева, прикалывала к волосам цветы и шла в гостиную танцевать. Я изображала великую танцовщицу Паниту, и весь дом собирался, чтобы посмотреть на меня...». Подобное самолюбование проявляется у

девочек так рано, оно играет такую важную роль в жизни женщины, что его источником часто считают какой-то таинственный женский инстинкт. Но мы только что показали, что поведение женщины обусловлено не какой-то ее анатомической особенностью. (...)

Итак, пассивность, которая является основной чертой «женственной» женщины, развивается в ней с первых лет жизни. Но было бы неверно утверждать, что такова природа женщины. В действительности это тот жизненный путь, который навязывают ей воспитатели и общество. Мальчику очень повезло: для того чтобы снискать уважение окружающих, он должен стремиться к самоутверждению. Он познает жизнь, свободно действуя в мире, - соперничает с другими мальчиками в суровости и независимости, презирает девчонок. Лазая по деревьям, сражаясь с товарищами, состязаясь с ними в буйных играх, он осознает свое тело как средство борьбы и покорения природы. (...) Его силы равномерно распределяются между играми, спортом, борьбой, преодолением препятствий и испытаниями. В то же время он получает беспощадные уроки жестокости, учится переносить удары, преодолевать боль, сдерживать детские слезы. Он предприимчив, изобретателен и смел. Конечно, ему случается испытывать себя напоказ или терять веру в свою мужественность, и в связи с этим у него возникает немало проблем во взаимоотношениях со взрослыми и сверстниками. Но что особенно важно, так это то, что между свойственным ему стремлением обладать обращенным во внешний мир образом и

желанием самоутвердиться в конкретных действиях нет принципиального противоречия. Его становление заключается в действии, в едином движении. Женщина, напротив, с раннего возраста переживает конфликт между своим независимым существованием и вторым «я». Ее учат, что для того, чтобы нравиться, нужно прикладывать усилия, нужно превратиться в предмет. Следовательно, она должна отказаться от своей независимости. С ней обращаются как с живой куклой, ей отказывают в свободе. Так зарождается порочный круг: чем меньше свободы ей предоставляется для того, чтобы понять, осознать и познать окружающий мир, тем меньше она осознает собственные возможности, тем меньше осмеливается утверждать себя как независимый субъект. Если бы ее подтолкнули на этом пути, в ней обнаружилась бы та же бьющая через край энергия, то же любопытство, тот же дух инициативы, та же смелость, что у мальчика. Это и случается иногда, когда девочку воспитывают как мальчика; в этом случае она избавлена от многих проблем.

Интересно отметить, что именно таким образом отцы любят воспитывать дочерей, а женщинам, воспитанным мужчинами, не свойственны многие женские комплексы. Но в обществе не принято обращаться с девочками так же, как с мальчиками. Я знавала в одной деревне двух девочек трех и четырех лет, отец которых хотел, чтобы они носили штанишки. Все дети преследовали их, спрашивали: «Это девочки или мальчики?», пытались проверить это. Дело дошло до того, что девочки начали умолять, чтобы им позволили носить платья. Даже если родители

допускают, чтобы девочка вела себя как мальчик, это будет шокировать окружающих ее людей: друзей, учителей, если только она не живет вдали от общества. Всегда найдутся тетушки, бабушки, кузины, которые ослабят влияние отца. Обычно он не играет большой роли в воспитании девочки. Одно из проклятий, тяготеющих над женщиной, заключается, по справедливому замечанию Мишле, в том, что в детстве ее воспитанием занимаются только женщины. Мальчика в раннем возрасте тоже воспитывает мать, но, во-первых, она относится к нему с большим уважением, чем к девочке, а во-вторых, он скоро выходит из-под ее влияния, в то время как девочку именно мать знакомит с особенностями женской жизни. (...) Даже хорошая мать, искренне желающая добра дочери, обычно полагает, что самое разумное - это воспитать из нее «настоящую женщину», поскольку именно в таком качестве ей легче всего будет жить в обществе. Поэтому девочка дружит с девочками, обучается у учителя-женщины, живет в окружении женщин, как в гареме, читает книги и играет в игры, приобщающие ее к женской доле, постоянно слышит перлы женской мудрости, познает женские добродетели, учится стряпать и шить, вести хозяйство, а также наряжаться, кокетничать и скромничать. У нее неудобная и дорогая одежда, которую нужно уметь аккуратно носить, замысловатая прическа, ей постоянно внушают правила хорошего тона. (...)

Чтобы быть привлекательной, ей приходится сдерживать естественные порывы, ей запрещают подражать мальчикам

играть в слишком бурные игры, драться. Словом, от нее ждут, чтобы она, как и взрослые женщины, стала прислугой и кумиром. Сейчас, благодаря завоеваниям феминизма, становится все более и более обычным побуждать девочку учиться, заниматься спортом. Но если это у нее плохо получается, ее не осуждают так строго, как мальчика. Ей не так просто добиться успеха в жизни, потому что от нее требуют специфических свершений, по крайней мере, от нее хотят, чтобы она, кроме всего прочего, оставалась женщиной, сохраняла женственность. В раннем детстве девочка без особых сожалений мирится со своей судьбой. Ребенок существует в мире игры и мечты; он играет в жизнь и в действия, а ведь когда речь идет о воображаемых поступках, понятия жизни и действия не поддаются четкому разграничению. Превосходство мальчика над девочкой компенсируется благодаря надеждам, которые девочка возлагает на свою будущую жизнь женщины и которые уже в детстве осуществляются в играх. Поскольку ей знаком лишь ее детский мир, ей кажется, что мать пользуется большим авторитетом, чем отец. Мир представляется ей чем-то вроде матриархата, она подражает матери, отождествляет себя с ней, иногда даже стремится поменяться с ней ролями. «Когда я буду большая, а ты маленькая», - часто говорит она ей. Кукла - это не только двойник девочки, это также ее ребенок. Эти две функции несколько не противоречат друг другу, так как настоящий ребенок тоже представляет собой для матери alterego. Ругая, наказывая, а затем, утешая куклу, она одновременно защищается от матери и приобретает материнскую

власть. Девочка олицетворяет обоих членов пары «мать - дочь». Она поверяет кукле свои тайны, воспитывает ее, утверждает над ней свою непререкаемую власть, иногда даже отрывает ей руки, бьет и мучает ее. Таким образом, благодаря кукле происходит утверждение внутреннего мира девочки, формируется ее отраженное восприятие самой себя. Часто девочка включает в свою воображаемую жизнь мать и вместе с ней играет в отца, мать и ребенка. Возникает воображаемая семья, в которой вообще нет мужчины. Но и тут дело вовсе не во врожденном, таинственном материнском инстинкте. Девочка видит, что детьми занимается мать, ей это внушают, это подтверждает весь ее детский опыт, рассказы, которые она слышит, книги, которые читает. (...)

Кроме этой надежды, которая укрепляется благодаря игре в куклы, девочка находит возможности для самоутверждения в работе по хозяйству. Даже совсем маленькая девочка может многое сделать по дому. Мальчика обычно такой работой не занимают, но девочке ее не только позволяют делать, но и требуют от нее этого. Она подметает пол, вытирает пыль, чистит овощи, купает младенцев, помогает готовить пищу. Чаще всего матери помогает старшая в семье девочка. Иногда из-за удобства, иногда из-за враждебного отношения или садизма мать перекладывает на нее многие свои дела. В этом случае девочка рано вступает в серьезный мир. Чувство собственной значимости помогает ей выполнять свою женскую роль, но она лишается радостного бескорыстия, детской беззаботности, она слишком

рано становится женщиной и познает пределы, которые женская доля накладывает на жизнь человеческого существа. В отроческом возрасте она чувствует себя взрослой, это придает нечто необычное ее развитию. Если девочка перегружена домашними делами, она может скоро превратиться в рабыню, обреченную на безрадостное существование. Но если ей дают работу по силам, она гордится тем, что приносит пользу, как большая, и с удовлетворением чувствует свою солидарность с взрослыми. Эта солидарность укрепляется еще и от того, что мать — домашняя хозяйка недалеко уходит в своем развитии от своих дочерей, еще девочек. Мужчина владеет профессией, от детского возраста его отделяют годы учебы. Для маленького мальчика в работе, которой занимается его отец, есть что-то глубоко таинственное, он еще очень далек от того взрослого мужчины, которым когда-нибудь станет. Что касается дел, которыми занимается мать, то в них для девочки нет ничего таинственного. «Это уже маленькая женщина», - говорят о ней родители. Считается, что девочка развивается быстрее, чем мальчик. На самом же деле, если она и раньше приближается к уровню взрослого человека, так только потому, что, как правило, большинство женщин более инфантильны, чем мужчины. Женщина действительно рано начинает чувствовать себя взрослой, ей нравится играть роль «маленькой мамы» по отношению к младшим братьям и сестрам, Она любит напускать на себя важный вид, говорит рассудительно, отдает

распоряжения, демонстрирует свое превосходство над малышами-братьями, с матерью разговаривает как с равной. (...)

Однако если девочки хотят соперничать с мальчиками, драться с ними, то их осуждают. Девочки по двум причинам с завистью наблюдают за чисто мальчишескими занятиями: с одной стороны, они испытывают инстинктивное желание утвердить свою власть над миром, а с другой - протестуют против подчиненного положения, в котором они обречены жить. Кроме всего прочего, они страдают и от того, что им запрещают лазать на деревья, стремянки и крыши. Адлер отмечает, что понятия верха и низа очень важны, потому что идея возвышения в пространстве связана с представлением о духовном превосходстве, как об этом свидетельствуют мифы древности. Дойти до верха, добраться до вершины означает утвердиться в этом мире в качестве независимого субъекта. Мальчики часто соперничают в лазанье. Девочке подобные подвиги запрещены, и она, сидя под деревом или у подножия горы и видя в вышине торжествующих мальчиков, чувствует себя ниже их и душой и телом. То же самое она чувствует, когда мальчик обгоняет ее в беге, побеждает в состязаниях в прыжках, сбивает с ног в драке или просто не желает с ней общаться.

По мере того как девочка растет и ее мир расширяется, мужское превосходство утверждается все сильнее. Очень часто в этот момент ее стремление походить на мать перестает казаться ей удачным решением проблемы. Если девочка в раннем возрасте принимает свою женскую участь, то совсем не потому, что она

намерена сдаться без борьбы. Напротив, она делает это для того, чтобы властвовать. Ей хочется стать матроной потому, что ей кажется, что общество матрон обладает большими преимуществами. Но когда круг ее общения перестает ограничиваться матерью, когда друзья, учеба, игры, чтение расширяют его, ей становится ясно, что в мире хозяйничают не женщины, а мужчины. (...)

Женщина - это Спящая Красавица, Золушка, Белоснежка, она ждет и терпит. В песнях, сказках молодые люди отважно отправляются на поиски возлюбленных, они разят драконов, сражаются с великанами, а возлюбленные сидят взаперти в башне, замке, саду или пещере, они в плену, усыплены или прикованы к скале. Словом, они ждут. «Настанет день, и мой принц придет...», «Somedayhe'llcomealong, theman I love...» — поется в распространенных песенках, которые также внушают женщине мысль о терпении и ожидании, Самая насущная необходимость для женщины - это покорить мужское сердце. Все они, даже самые неустрашимые, даже не боящиеся риска, стремятся к этой победе. И зачастую для того, чтобы преуспеть, им нужно одно-единственное достоинство - красота. Понятно поэтому, что забота о своем внешнем виде может превратиться для женщины в настоящее наваждение. Будь она принцессой или пастушкой, ей всегда нужно быть красивой, иначе не завоеешь любовь и счастье. Люди жестоки, некрасивая внешность ассоциируется у них со злобой. Видя несчастья, которые обрушиваются на некрасивых женщин, они не стремятся

разобраться, за что же именно наказывает их судьба: за злые поступки или за дурную внешность. Часто молодые красавицы, которым уготовано счастливое будущее, в начале жизни выступают в роли жертвы. (...)

Игры и мечты учат девочку пассивности, Но еще до того, как она становится женщиной, она уже является человеческим существом, она уже знает, что принять долю женщины означает отказаться от своей индивидуальности и тем самым изуродовать себя. И хотя отказаться от борьбы соблазнительно, уродовать себя невыносимо, Мужчина, Любовь - эти понятия еще далеки от нее, скрыты за дымкой будущего. В настоящем девочка, так же как и ее братья, стремится к активности и свободе. Для детей свобода не представляет собой тяжкого бремени, поскольку она не подразумевает для них ответственности, они видят, что взрослые оберегают их, чувствуют себя в безопасности и не испытывают желания лишиться опеки. Из-за стихийной тяги девочки к жизни, ее любви к игре, смеху, приключениям общение с матерью начинает ей казаться недостаточным и подавляющим. Она хотела бы вырваться из-под материнской власти. Материнский контроль над девочкой значительно более мелочен и неусыпен, чем над мальчиком.

В десять-двенадцать лет большинство девочек - это действительно «несостоявшиеся мальчишки», то есть дети, которым не дозволено быть мальчиками. Мало того что они страдают от этого, как от несправедливого ущемления своих прав, их, кроме того, принуждают к нездоровому образу жизни.

Не получающий выхода избыток жизненных сил, невостребованная бодрость приводят к нервозности. Слишком степенные развлечения оставляют неизрасходованной кипучую энергию. Девочки начинают скучать. Чтобы разогнать скуку и компенсировать унижающую их неполноценность, они предаются печальным, романтическим грезам, начинают увлекаться пустыми фантазиями, теряют ощущение реальности. Их чувства становятся экзальтированными и необузданными. Поскольку они не могут действовать, они говорят, нередко перемежая серьезные разговоры с пустой болтовней. Им кажется, что они одиноки, что их никто не понимает, и они ищут утешения в самовлюбленности: воображают себя героинями романа, восхищаются собой, жалеют себя. В них естественным образом развиваются кокетство и притворство, причем оба эти недостатка углубляются по мере взросления. Их неудовлетворенность выражается в капризах, приступах гнева, рыданиях. Им нравится плакать - склонность к слезам сохраняется у многих взрослых женщин главным образом потому, что они любят разыгрывать из себя жертву. Таким образом они одновременно протестуют против суровости своей судьбы и стремятся растрогать окружающих. (...)

Родители и воспитатели, книги и сказки, женщины и мужчины всячески расхваливают девочке прелести пассивности, ее учат наслаждаться ими с раннего детства. Она поддается искушению, сама того не замечая, ее уступка тем более неизбежна, что порывы ее трансцендентности наталкиваются на

самое решительное сопротивление. Но принять пассивность означает также принять без борьбы навязываемую ей извне судьбу, и такая перспектива ее пугает. Перед мальчиком, будь он честолюбивым, легкомысленным или робким, будущее открывает множество дорог: он может стать моряком или инженером, остаться в деревне или уехать в город, отправиться в путешествие или разбогатеть. Глядя в будущее, где его ждут разнообразные возможности, он чувствует себя свободным. Девочка выйдет замуж, станет матерью, бабушкой, она будет заниматься домашним хозяйством точно так же, как ее мать, будет воспитывать детей, как воспитывали ее самое. В двенадцать лет она уже точно знает, что ей уготовано, она будет жить день за днем, но строить свою жизнь ей не дано. Она с любопытством, но и со страхом думает о своей будущей жизни, все этапы которой предусмотрены заранее и к которой ее неминуемо приближает каждый день. (...)

Теперь нам понятно, какая драма разыгрывается в душе девочки-подростка в период полового созревания. Она не может стать «большой», не смирившись со своей женской участью. Она и раньше знала, что из-за принадлежности к слабому полу ей придется вести неполноценное и замкнутое существование. Теперь к этому добавляется еще отвратительное болезненное состояние и чувство какой-то непонятной вины.

*Бовуар С.де Второй пол Т. 2. –
М.: Прогресс, СПб: Алетейя, 1997.- С.310-365.*

Вопросы и задания:

1. Какие социальные и психологические процессы оказывают решающее влияние на становление девочки?
2. Как формируются основные «женские» качества (пассивность, кокетливость)?
3. Какое значение имеют игрушки в становлении мировоззрения девочки?
4. Как общество определяет «судьбу» девочки?
5. Какие черты общество формирует у мальчиков?

Вопросы для обсуждения на семинаре:

1. Насколько общество определяет индивида?
2. Какие существуют возможности того, чтобы человек сам управлял своей судьбой?
3. Какие черты современного общества вы можете обнаружить в себе?
4. В какой мере вы являетесь существом социальным?

(...) Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *parexcellence*¹. Это - реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей реальностью. Напряженность сознания наиболее высока в повседневной жизни. Т.е. последняя накладывается на сознание наиболее сильно, действительно и глубоко. Невозможно не заметить и трудно

---

¹ Лат. - По преимуществу

ослабить ее властное присутствие. Следовательно, она вынуждает меня быть к ней предельно внимательным. Я воспринимаю повседневную жизнь в состоянии бодрствования. Это бодрствующее состояние существования в реальности повседневной жизни и ее восприятие принимается мной как нормальное и самоочевидное, то есть составляет мою естественную установку.

Я полагаю реальность повседневной жизни как упорядоченную реальность. Ее феномены уже систематизированы в образцах, которые кажутся независимыми от моего понимания и которые налагаются на него. Реальность повседневной жизни оказывается уже объективированной, т.е. конституированной порядком объектов, которые были обозначены как объекты до моего появления на сцене. Язык, используемый в повседневной жизни, постоянно предоставляет мне необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают смысл и значение и эти объективации, и сама повседневная жизнь.

Я живу в географически определенном месте; я пользуюсь инструментами - от консервного ножа до спортивных автомобилей, - которые указаны в техническом словаре моего общества; я живу в переплетении человеческих взаимосвязей - от моего шахматного клуба до Соединенных Штатов Америки, - которые тоже упорядочены посредством словаря. Таким образом, язык отмечает координаты моей жизни в обществе и наполняет эту жизнь значимыми объектами.

Реальность повседневной жизни организуется вокруг «здесь» моего тела и «сейчас» моего настоящего времени. Это «здесь-и-сейчас» - фокус моего внимания к реальности повседневной жизни. В том, как это «здесь-и-сейчас» дано мне в повседневной жизни, заключается *realissimum*² моего сознания. Реальность повседневной жизни, однако, не исчерпывается этим непосредственным присутствием, но охватывает и те феномены, которые не даны «здесь-и-сейчас». Это означает, что я воспринимаю повседневную жизнь в зависимости от степени пространственной и временной приближенности или удаленности. Ближайшей ко мне является та зона повседневной жизни, которая непосредственно доступна моей физической манипуляции. Эта зона включает мир, находящийся в пределах моей досягаемости, мир, в котором я действую так, чтобы видоизменить его реальность, или мир, в котором я работаю. В этом мире труда мое сознание руководствуется прагматическим мотивом, т.е. мое внимание к этому миру определяется главным образом тем, что я делаю, делал или собираюсь делать в нем. Так что это мой мир *parexcellence*. Конечно, я знаю, что реальность повседневной жизни содержит и другие зоны, не столь доступные моему пониманию. Но либо у меня нет прагматического интереса в этих зонах, либо мой интерес не является непосредственным, поскольку потенциально они могут быть для меня зонами манипуляции. Обычно мой интерес в этих отдаленных зонах менее интенсивен и, конечно, не столь

---

² Лат. - Реальнейшее сущее

настоятелен. Я очень заинтересован в ряде объектов, вовлеченных в мою повседневную работу, - скажем, в мире гаража, если я механик. Меня интересует, хотя и непрямо, то, что происходит в научно-исследовательских лабораториях автомобильной промышленности Детройта. Маловероятно, что когда-нибудь мне доведется побывать в одной из таких лабораторий, но работа, проделанная там, в конечном счете, будет влиять на мою повседневную жизнь. Меня может интересовать, что происходит на мысе Кеннеди или где-то еще, но это интерес - частное дело, скорее выбор досуга, чем настоятельная необходимость повседневной жизни.

Реальность повседневной жизни представляется мне как интерсубъективный мир, который я разделяю с другими людьми. Именно благодаря интерсубъективности повседневная жизнь резко отличается от других осознаваемых мной реальностей. Я один в мире снов, но я знаю, что мир повседневной жизни столь же реален для других, как и для меня. Действительно, в повседневной жизни я не могу существовать без постоянного взаимодействия и общения с другими людьми. Я знаю, что моя естественная установка по отношению к этому миру соответствует естественной установке других людей, что они тоже понимают объективации, с помощью которых этот мир упорядочен, и в свою очередь также организует этот мир вокруг «здесь-и-сейчас», их бытия, и имеют свои проекты действий в нем. Конечно, я знаю и то, что у других людей есть своя перспектива на наш общий мир, не тождественная моей. Мое

«здесь» - это их «там». Мое «сейчас» не полностью совпадает с их. Мои проекты не только отличаются, но могут даже противоречить их проектам. В то же время я знаю, что живу с ними в общем мире. Но важнее всего то, что я знаю, что существует постоянное соответствие между моими значениями и их значениями в этом мире, что у нас есть общее понимание этой реальности. Естественная установка именно поэтому и является установкой повседневного сознания, что связана с миром, общим для многих людей. Повседневное знание - это знание, которое я разделяю с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни.

Реальность повседневной жизни в качестве реальности имеет само собой разумеющийся характер. Она не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что она просто существует. Она существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность. Я знаю, что она реальна. Хотя у меня и могут возникнуть сомнения в ее реальности, я должен воздержаться от них, поскольку живу повседневной жизнью согласно заведенному порядку. Такое воздержание от сомнений настолько устойчиво, что, для того чтобы отказаться от него, как мне того хотелось бы, скажем, в процессе теоретического или религиозного размышления, я должен совершить резкий скачок. Мир повседневной жизни декларирует себя, и если я хочу бросить вызов этой декларации, то должен приложить немало усилий. Переход ученого или философа от естественной к теоретической установке хорошо иллюстрирует этот момент.

Однако не все аспекты этой реальности в равной степени непроблематичны. Повседневная жизнь разделена на сектора, одни из которых воспринимаются привычно, а в других я сталкиваюсь с проблемами того или иного рода. Предположим, я - автомеханик, хорошо осведомленный относительно автомобилей американских марок. Все, что связано с ними, - это обычный непроблематичный аспект моей повседневной жизни. Но однажды в гараже появляется тот, кто просит починить меня «фольксваген». И теперь я вынужденно вовлечен в проблематичный мир машин иностранных марок. Я могу делать это из профессионального любопытства или потому, что вынужден, но в любом случае теперь я сталкиваюсь с проблемами, которые еще не стали для меня привычными. В то же время, я, конечно, не покидаю реальность повседневной жизни. В сущности, она становится богаче, поскольку в ней появляются знания и умения, необходимые для ремонта машин иностранных марок.

Реальность повседневной жизни включает оба вида секторов, поскольку то, что оказывается проблемой в одной реальности, не является таковой в других (например, в реальности теоретической физики или в реальности ночных кошмаров). Так как привычный порядок повседневной жизни не прерывается, то и воспринимается как непроблематичный.

Но даже непроблематичные сектора повседневной реальности являются таковыми лишь до тех пор, пока нет свидетельств об обратном, т.е. до тех пор, пока с возникновением

проблемы не прерывается их последовательное функционирование. Когда это происходит, реальность повседневной жизни стремится интегрировать проблематичный сектор в тот, который уже непроблематичен. Повседневное знание содержит множество рекомендаций по поводу того, как это следует делать. Например, люди, с которыми я работаю, непроблематичны для меня, пока они делают что-то знакомое, само собой разумеющееся, скажем, печатают на машинке за соседними столами в моей конторе. Они становятся проблематичными, если прерывают этот привычный порядок, например, собираясь в углу и говоря шепотом. Так как я должен понять смысл этих необычных действий, у меня есть несколько возможных вариантов решения этой проблемы и реинтеграции моего повседневного знания в непроблематичный привычный ход повседневной жизни: они могут советоваться по поводу того, как починить сломанную машинку, или, возможно, у одного из них есть какие-то срочные распоряжения шефа и т.д. С другой стороны, я могу обнаружить, что они обсуждают проведение забастовки, что выходит за пределы моего опыта, но еще находится в рамках тех проблем, с которыми связано мое повседневное знание. Для повседневного знания обнаружение этого факта выступает скорее в качестве проблемы, чем просто реинтеграции в непроблематичный сектор повседневной жизни. Однако, если я прихожу к выводу, что мои коллеги коллективно помешались, тогда эта проблема предстает совершенно в ином свете. Теперь я сталкиваюсь с проблемой, которая выходит за

пределы реальности повседневной жизни и свидетельствует об абсолютно другой реальности. Действительно, вывод о том, что мои коллеги сошли с ума, *ipso facto* означает, что они попали в мир, больше не являющийся нашим общим миром повседневной жизни.

По сравнению с реальностью повседневной жизни другие реальности оказываются конечными областями значений, анклавами в рамках высшей реальности, отмеченными характерными значениями и способами восприятия. Высшая реальность окружает их со всех сторон, и сознание всегда возвращается к высшей реальности как из экскурсии. Это становится понятнее на уже приводившихся примерах реальности сновидений или теоретического мышления. Аналогичны «переключения» с мира повседневной жизни на мир игры, как играющих детей, так и взрослых. Блестящая иллюстрация такой игры - театр. Переход из одной реальности в другую отмечен тем, что поднимается и опускается занавес. Когда занавес поднимается, зритель «переносится» в другой мир со своими собственными значениями и устройством, не имеющими ничего или, напротив, много общего с устройством повседневной жизни. Когда занавес опускается, зритель «возвращается к реальности», вернее, к высшей реальности повседневной жизни, по сравнению с которой реальность, представленная на сцене, теперь кажется незначительной и эфемерной, сколь бы живым ни было представление несколько минут назад. Эстетический и религиозный опыт богат такого

рода переходами, поскольку искусство и религия создают конечные области значений.

Все конечные области значений характеризуются переключением на них внимания с реальности повседневной жизни. Хотя, конечно, переключения внимания случаются и в рамках повседневной жизни, но переключение внимания на конечную область значений - гораздо глубже и основательнее. Происходит радикальное изменение напряженности сознания. В контексте религиозного опыта его называли просто «скачком». Впрочем, нужно подчеркнуть, что реальность повседневной жизни сохраняет свой верховный статус даже и в случае таких «скачков». Если не что-то иное, то язык убеждает нас в этом. Обычный язык, объективирующий мой опыт, укоренен в повседневной жизни и сохраняет с ней связь, даже если я пользуюсь языком для интерпретации опыта в конечных областях значений. Поэтому обычно я «искажаю» реальность последних, как только начинаю пользоваться языком для их интерпретации, т.е. я «перевожу» неповседневный опыт в высшую реальность повседневной жизни. Это хорошо видно на примере сновидений, а также характерно для тех, кто пытается описать теоретический, эстетический и религиозный миры значений. Физик-теоретик говорит нам, что его концепция пространства невыразима на разговорном языке, так же, как артист говорит то же самое о смысле его произведений, а мистик - о встрече с божественным. Однако все они - сновидец, физик, артист и мистик - живут также и в реальности повседневной жизни. Одной из важнейших

проблем для них оказывается то, как интерпретировать сосуществование этой реальности с другими, вкрапленными в нее реальностями.

Мир повседневной жизни имеет пространственную и временную структуры. Пространственная структура здесь нас мало интересует. Достаточно сказать лишь то, что она имеет социальное измерение, благодаря тому факту, что зона моих манипуляций пересекается с зоной манипуляций других людей. Гораздо важнее для нашей цели временная структура.

Темпоральность - это свойство, присущее сознанию. Поток сознания всегда упорядочен во времени. Можно различать разные уровни темпоральности, поскольку она характерна для любого субъекта. Каждый индивид ощущает внутреннее течение времени, которое основано на психологических ритмах организма, хотя и не тождественных ему. Для того чтобы детально проанализировать уровни интерсубъективной темпоральности, следовало бы значительно расширить рамки данных пролегомен.

Как мы уже отмечали, интерсубъективность повседневной жизни тоже имеет темпоральное измерение. В мире повседневной жизни есть свое интерсубъективное доступное стандартное время. Стандартное время можно понять как пересечение космического времени и существующего в обществе календаря, основанного на временных циклах природы и внутреннего времени с его указанными выше различиями. Не существует полной одновременности этих различных уровней

темпоральности, о чем свидетельствует восприятие ожидания. Как мой организм, так и мое общество накладывают на меня и мое внутреннее время определенную последовательность событий, включающую и ожидание. Мне может хотеться принять участие в спортивном состязании, но приходится ждать, пока заживет мое ушибленное колено. Или опять приходится ждать, пока будут готовы бумаги, необходимые для официального признания моей квалификации. Вполне понятно, что темпоральная структура повседневной жизни необычайно сложна, так как разные уровни эмпирической темпоральности все время должны приводиться в соответствие друг с другом.

Я сталкиваюсь с темпоральной структурой повседневной жизни как с фактичностью, с которой я должен считаться, т. Е. я должен постараться, чтобы мои проекты совпадали с ней по времени. В повседневной жизни я воспринимаю время как непрерывное и конечное. Все мое существование в этом мире, постоянно упорядочиваемое временем, насквозь проникнуто им. Моя собственная жизнь - лишь эпизод во внешнем условном потоке времени. Оно существовало до моего рождения и будет существовать после того, как я умру. Знание неизбежности моей смерти делает это время конечным *для меня*. У меня есть лишь определенное количество времени, отпущенное мне для реализации моих проектов, и знание этого влияет на мое отношение к этим проектам. Поскольку я не хочу умирать, это знание отравляет тревогой мои проекты. Так, я знаю, что не смогу до бесконечности участвовать в спортивных состязаниях. Я

знаю, что становлюсь старше. Может даже случиться, что это последняя возможность моего участия. Мое ожидание будет тревожным в той степени, в какой конечность времени посягает на мой проект. Как уже отмечалось, эта темпоральная структура принудительна. Я не могу по своей воле повернуть вспять последовательность событий, налагаемых ею: «первое-сначала» - это существенный элемент моего знания повседневной жизни. Так, я не могу сдать тот или иной экзамен, пока не усвою определенных образовательных программ, не могу приступить к работе, пока не сдам экзамена и т.д. Кроме того, та же темпоральная структура предполагает историчность, которая определяет мою ситуацию в мире повседневной жизни. Я родился в один день, пошел в школу - в другой, начал работать - в третий и т.д. Однако эти даты всегда «размещены» в более широких исторических рамках, и это «размещение» несомненно формирует мою ситуацию. Так, я родился в год полного банкротства, когда мой отец потерял все свое состояние, я пошел в школу прямо перед революцией, начал работать сразу после того, как разразилась мировая война и т.д. Темпоральная структура налагает предустановленную последовательность не только на «повестку» любого дня, но и на всю мою биографию. В рамках системы координат, установленной темпоральной структурой, я воспринимаю как ежедневный «ритуал», так и всю мою биографию. Часы и календарь подтверждают, что я в самом деле «человек своего времени». Лишь в рамках этой временной структуры повседневная жизнь сохраняет для меня свой акцент

реальности. Так, в случаях, когда я по той или иной причине могу быть «дезориентирован» (скажем, если в результате автомобильной катастрофы я потеряю память), я чувствую почти инстинктивное стремление «переориентировать» себя в рамках темпоральной структуры повседневной жизни. Я смотрю на свои часы и пытаюсь вспомнить число. Уже только благодаря этим действиям я снова возвращаюсь в реальность повседневной жизни.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 1995. - С. 41-52.

Вопросы и задания:

1. Какое значение имеет повседневность для человека?
2. Как обуславливает повседневность мое время (темпоральность)?
3. Какую значимость имеет пространство в повседневной жизни?
4. Охарактеризуйте вашу реальность повседневной жизни.

Вопросы для обсуждения на семинарском занятии:

1. Что такое «повседневность»?
2. Какие черты повседневности вы можете выделить?
3. В каком социальном времени и социальном пространстве мы живем?
4. Охарактеризуйте собственную повседневную жизнь.
5. Почему трудно (или невозможно) изменить повседневность?

Темы докладов:

Тема 1. Общество на уровне телесности и поведения

Вопросы к докладу:

1. Что такое техники тела?
2. Как формируются и закрепляются техники тела?
3. Какое значение в повседневной жизни имеют техники тела?

Литература:

1. Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества, обмен, личность. - М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996. - С. 242-263.

Тема 2. Социальное время

Вопросы к докладу:

1. Что такое астрономическое время?
2. Какие концепции времени развивались в философии?
3. Какие особенности есть у психологического понимания времени?
4. В чем суть экономического времени?
5. Какие особенности есть у социального времени?
6. Какие события попадают в социальное время, с чем связаны эти события?
7. Объясните тезис авторов: «Структура времени меняется с социальной структурой общества».

Литература:

1. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. №6. - С. 112-119.

Тема 3. Социальное пространство

Вопросы к докладу:

1. В чем различие между физическим пространством и социальным пространством?
2. Приведите примеры социального пространства?
3. Как воздействует на индивида социальное пространство, определяя его ментальные структуры?

Литература:

1. Бурдьё П. Социология политики. - М.: Socio-Logos, 1993. - С. 34-51.

Из материалов, в которых раскрывается отношение общества и человека мы увидели, что общество - это безличная система, в которой функционируют определенные знаки, закрепленные за вещами, в котором приняты определенные способы деятельности, которое присутствует в телесности («техники тела»), в нашем способе мышления, желаниях. Общество проникает в наш микромир (М. Фуко), управляет нашими желаниями, вкусами и производит определенных индивидов, контролирует их жизнедеятельность (Ж. Делез), общество делает нас «мужчинами» и «женщинами» (С. Де Бовуар), управляет

теми значениями, которые мы имеем в виду, когда общаемся (стереотипы). Более того, «близость» общества к индивиду выступает и как средство облегчения своего существования, когда человек пытается избежать ответственности за собственное существование (Э. Фромм). Человек избегает свободы, которая заключается в том, чтобы принимать решения и нести за них ответственность. Движение к подлинному существованию, бытию человека в свободе - это реализация человеком самого себя, которая заключается в том, чтобы человек отнесся к своей жизни как уникальному проекту.

Задания повышенной сложности:

Задание 1. Продолжите таблицу, в которой будут отражены стереотипы, применяющиеся в обществе для характеристики мужской и женской природы, создающие определенный социальный порядок, управляющие жизнью индивида.

Распределение социальных стереотипов «мужского» и «женского»	
«Мужчина»	«Женщина»
Активность	Пассивность
Культура	Природа

Задание должно быть выполнено в письменной форме.

Задание 2. Раскройте характеристики пространства как социального пространства на примере следующих пространственных объектов:

1. Вариант 1. «Учебное заведение»
2. Вариант 2. «Красная площадь»
3. Вариант 3. «Тюрьма»

Задание 3. Раскройте характеристик времени как социального времени на примере общественной жизни:

1. Вариант 1. «Учебное заведение»
2. Вариант 2. «История народа»
3. Вариант 3. «События и даты индивидуальной истории»

РАЗДЕЛ 2

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

План:

1. Социальный характер и социальная структура.
2. Современная социальная религия.
3. Свобода и ответственность.
4. Проблема равенства и неравенства.

Философский словарь:

Общество, социальная среда, человек, индивид, личность, социальная структура, социальная группа, класс, идеология, социальная религия, свобода, ответственность, социальное равенство и неравенство.

Фрагменты первоисточников:

Отправной точкой для этих рассуждений служит утверждение о взаимозависимости между структурой характера среднего индивида и социально-экономической структурой общества, в котором существует этот индивид. Взаимосвязь индивидуальной психической сферы и социально-экономической структуры я называю *социальным характером*. (...) Социально-экономическая структура общества формирует социальный характер своих членов таким образом, что им хочется делать то, что они *должны* делать. Вместе с тем социальный характер оказывает влияние на социально-экономическую структуру

общества, действуя при этом либо как цемент, придающий ей еще большую стабильность, либо, при определенных обстоятельствах, как динамит, готовый взорвать ее.

Социальный характер и социальная структура

Взаимоотношения между социальным характером и социальной структурой никогда не носят статичный характер, поскольку оба элемента в этой взаимосвязи представляют собой бесконечный процесс. Любое изменение одного из факторов влечет за собой изменение обоих. Многие революционеры считают, что следует сначала радикально изменить политическую и экономическую структуру, а затем на втором этапе почти необходимо изменится также и человеческое сознание: как только будет создано новое общество, почти автоматически возникнет и новый человек. Они не понимают, что новая элита, обладающая прежним социальным характером, будет стремиться воссоздать условия старого общества в новых социально-политических институтах, созданных революцией; что победа революции обернется ее поражением как революции – хотя, может быть, и не как исторической фазы развития общества, проложившей путь к такой социально-экономической структуре, которая остановилась в своем бурном развитии. Хрестоматийным примером служат Французская революция и революция в России. Примечательно, что Ленин, не считавший, что склад характера может оказывать большое влияние на революционную деятельность, резко изменил свое мнение в последний год жизни, когда отчетливо увидел отрицательные

черты характера Сталина и потребовал в своем завещании, чтобы Сталин не стал его преемником.

Противоположную позицию занимают те, кто утверждает, что сначала нужно изменить природу человека – его сознание, ценности, характер – и лишь после этого может быть построено подлинно человеческое общество. История человечества доказывает, что они не правы. Изменения в психике человека всегда оставались принадлежностью сугубо частной сферы и ограничивались небольшими оазисами или же оказывались совершенно неэффективными, когда проповедь духовных ценностей сочеталась с реализацией на практике ценностей, прямо противоположных.

Социальный характер и «религиозные потребности»

Социальный характер имеет еще одну важную функцию, помимо функции удовлетворения потребностей общества в определенном типе характера и обусловленных этим характером потребностей индивида. Он призван удовлетворять внутренне присущие человеку религиозные потребности. Следует пояснить, что слово «религия» употребляется здесь не для обозначения системы, обязательно связанной с понятием бога или идолов, или даже какой-либо системы, воспринимаемой как религия, а для обозначения *любой системы взглядов и действий, которой придерживается какая-либо группа людей и которая служит индивиду схемой ориентации и объектом поклонения*. В таком широком смысле слова ни одна культура прошлого или

настоящего, да, по-видимому, и будущего, не может рассматриваться как культура без религии.

Такое определение «религии» ничего не говорит о ее специфическом содержании. Люди могут поклоняться животным, деревьям, золотым или каменным идолам, невидимому богу, святому или злобному вождю; они могут поклоняться своим предкам, своему народу, классу или партии, деньгам или успеху. Их религия может способствовать развитию разрушительных сил или любви, господства или солидарности; она может благоприятствовать развитию разума или парализовать его. Люди могут относиться к такой системе как к религии и отличать ее от всего светского, либо они могут считать, что у них вообще нет никакой религии, и рассматривать свою приверженность таким якобы вполне светским целям, как власть, деньги или успех, исключительно как стремление ко всему практичному и выгодному. И вопрос вовсе не в том, *религия это или нет*, а в том, *какова эта религия*: способствует ли она дальнейшему развитию человека, реализации свойственных ему сугубо человеческих способностей или же препятствует его развитию.

Всякая конкретная религия, если только она действительно мотивирует поведение, – это не просто сумма доктрин и верований; она коренится в специфической структуре характера индивида и – поскольку она является религией группы людей – в социальном характере. Таким образом, религиозные установки можно рассматривать как один из аспектов структуры нашего характера, ибо *мы – это то, чему мы преданы, а то, чему мы*

преданы, – это то, что мотивирует наше поведение. Однако часто индивид даже не осознает, что является действительным объектом его личного поклонения, и принимает свои «официальные» представления, взгляды за подлинную, хотя и *тайную* религию. И если, к примеру, человек поклоняется власти и при этом проповедует религию любви, то религия власти и есть его тайная религия, тогда как его так называемая официальная – например, христианская – религия всего лишь идеология.

Религиозная потребность коренится в основных условиях существования человеческого *вида*. Мы составляем такой же биологический вид, как и шимпанзе, лошадь или ласточка. Каждый вид можно определить с помощью его специфических физиологических и анатомических признаков.

Существует общепринятое определение человеческого вида в терминах биологии. Я считаю, что человеческий вид, то есть человеческую природу, можно определить также и *психологически*. В ходе биологической эволюции животного царства человеческий вид возникает на стыке двух тенденций развития. Одной из них является *все уменьшающаяся детерминированность поведения инстинктами* (слово «инстинкты» употребляется здесь не в современном понимании инстинкта как исключаящего научение, а в смысле органического побуждения). И хотя существует множество противоречивых взглядов на природу инстинктов, всеми признается, что чем выше стоит животное на эволюционной

лестнице, тем меньше его поведение детерминировано филогенетически запрограммированными инстинктами.

Процесс непрерывно уменьшающейся детерминированности поведения инстинктами можно представить как континуум, на одном конце которого находятся низшие формы эволюции животных, с наибольшей степенью инстинктивной детерминации; это уменьшение продолжается в ходе эволюции и достигает определенного уровня у млекопитающих; затем происходит дальнейшее развитие этого процесса у приматов, но даже у них мы обнаруживаем огромный разрыв между низшими и человекообразными обезьянами (...). У вида *Номо* детерминация поведения инстинктами достигла своего минимума.

Другой тенденцией эволюции животного мира является *увеличение мозга, особенно неокортекса*. И здесь эволюцию можно рассматривать как континуум: на одном конце – низшие животные с наиболее примитивной нервной структурой и сравнительно небольшим числом нейронов, на другом – *Номосариенс* с большим мозгом и более сложной его структурой, что в первую очередь относится к коре, которая в три раза больше коры головного мозга наших предков – приматов и отличается поистине фантастическим числом межнейронных связей.

Принимая во внимание все эти данные, человеческий вид можно определить следующим образом: это приматы, возникшие в такой момент эволюции, когда детерминация

поведения инстинктами достигла минимума, а развитие мозга – максимума. Такое сочетание минимальной детерминации инстинктами и максимального развития мозга никогда прежде не имело места в процессе эволюции животного мира и – с биологической точки зрения – представляет собой совершенно новый феномен.

Утратив способность действовать под влиянием инстинктов, но обладая самосознанием, разумом и воображением – новыми качествами, превосходящими способность к инструментальному мышлению даже самых разумных приматов, – человеческие существа, чтобы выжить, нуждались в *системе ориентации и объекте поклонения.*

Без карты нашего природного и социального мира – некой определенным образом организованной и внутренне связанной картины мира и нашего места в нем – люди просто растерялись бы и были бы не способны к целенаправленным и последовательным действиям, ибо без нее невозможно было бы ориентироваться и найти отправную точку, позволяющую упорядочивать все обрушивающиеся на каждого индивида впечатления. Наш мир становится осмысленным, и мы обретаем уверенность, когда наши представления согласуются с тем, что нас окружает. И даже если карта мира ложна, она выполняет свою психологическую функцию. Но эта карта никогда не бывает совершенно ложной, точно так же не бывает она и совершенно правильной. Она всегда достаточна как приблизительное объяснение разнообразных феноменов, чтобы служить

жизненным целям. И пока жизненная *практика* свободна от противоречий и иррациональности, такая карта может действительно соответствовать реальности.

Поразительно, что не обнаружено ни одной культуры, в которой не существовала бы такая система ориентации. Не существует и таких индивидов. Люди могут отрицать, что у них есть такая всеобъемлющая картина мира, и считать, что они реагируют на различные явления и события жизни от случая к случаю, в соответствии со своими суждениями. Можно, однако, легко доказать, что они просто принимают свою собственную философию за нечто само собой разумеющееся, потому что считают, что судят обо всем просто-напросто с позиции здравого смысла и не осознают того, что все их представления основываются на общепринятой системе отсчета. И когда такие люди сталкиваются с диаметрально противоположными взглядами на жизнь, они называют их «сумасшедшими», «иррациональными» или «наивными», тогда как себя они неизменно считают «логичными». Глубокая потребность в какой-либо системе отсчета с особенной очевидностью проявляется у детей. В определенном возрасте дети часто создают собственные весьма изобретательные системы ориентации, опираясь на немногочисленные доступные им данные.

Но одной лишь карты мира недостаточно, чтобы служить руководством к действию; нам нужна также цель, которая указывала бы, куда идти. У животных нет таких проблем. Ими руководят инстинкты — они дают им и карту мира, и цели.

Однако, утратив инстинктивную детерминацию поведения и обладая мозгом, позволяющим нам обдумывать самые различные направления, которым можно следовать, мы нуждаемся в объекте всеобщего поклонения – центре всех наших устремлений и основе всех наших действительных – а не только провозглашаемых – ценностей. Мы нуждаемся в таком объекте поклонения, чтобы интегрировать свои усилия в одном направлении, выйти за пределы своего изолированного существования со всеми его сомнениями и ненадежностью, удовлетворить наши потребности в осмыслении жизни.

Социально-экономическая структура, структура характера и религиозная структура неотделимы друг от друга. Если религиозная система не соответствует преобладающему социальному характеру, если она вступает в конфликт с социальной практикой жизни, то она является лишь идеологией. В таком случае следует искать скрывающуюся за ней *истинную* религиозную структуру, даже если мы можем и не осознавать ее существования, пока энергия, заключенная в религиозной структуре характера, не сыграет роль динамита и не подорвет данные социально-экономические условия. Однако поскольку всегда существуют отдельные исключения из преобладающего социального характера, то находятся отдельные исключения и из преобладающего религиозного характера. Именно они часто и становятся лидерами религиозных революций и основоположниками новых религий.

«Религиозная» ориентация как эмпирический стержень всех «высших» религий часто искажалась в процессе их развития. И не столь уж важно, как именно индивиды осознают и представляют себе свою собственную ориентацию: они могут быть «религиозны» и при этом не считать себя таковыми или, напротив, могут быть «нерелигиозны», хотя и считают себя христианами. У нас нет особого слова для обозначения *эмпирического* содержания религии в отрыве от ее концептуального и институционального аспектов. Поэтому я пользуюсь кавычками, чтобы обозначить «религиозное» как *эмпирическую*, субъективную ориентацию, независимо от той концептуальной структуры, в которой выражается «религиозность» индивида. (...)

«Индустриальная религия»

(...) В Северной Европе Лютер установил чисто патриархальную форму христианства, опиравшуюся на бюргеров и светских князей. Суть этого нового социального характера в подчинении патриархальной власти: единственным способом заслужить любовь и одобрение стал *труд*.

За фасадом христианской религии возникала новая *тайная* религия, «индустриальная религия», укоренившаяся в структуре характера современного общества, но не признаваемая «религией». Индустриальная религия несовместима с подлинным христианством. Она низводит людей до положения слуг экономики и созданных их же руками машин.

Основой индустриальной религии был новый социальный характер. Суть его составляют страх и подчинение могущественной мужской власти, культивирование чувства вины за непослушание, разрыв уз человеческой солидарности из-за преобладания своекорыстия и взаимного антагонизма. В индустриальной религии «священны» труд, собственность, прибыль, власть, даже если эта религия и способствовала развитию индивидуализма и свободы в рамках своих основных принципов. Превращение христианства в строго патриархальную религию сделало возможным выразить индустриальную религию в терминологии христианства.

«Рыночный характер» и «кибернетическая религия»

Самым важным для понимания характера и тайной религии современного человеческого общества является то изменение в социальном характере, которое произошло за период с начала эры капитализма до второй половины XX столетия. Авторитарный, одержимый, накопительский характер, развитие которого началось в XVI веке и который продолжал преобладать в структуре характера, по крайней мере средних классов общества, до конца XIX века, медленно уступал место *рыночному характеру*. (...)

Я назвал это явление рыночным характером, потому что в этом случае человек ощущает себя как товар, свою стоимость не как «потребительную стоимость», а как «меновую стоимость». Живое существо становится товаром на «рынке личностей». Один и тот же принцип определения стоимости действует и на

рынке личностей и на товарном рынке: на первом продаются личности, на втором – товары. В обоих случаях стоимость определяется их меновой стоимостью, для которой потребительная стоимость является необходимым, но не достаточным условием.

И хотя соотношение мастерства и человеческих качеств, с одной стороны, и личности – с другой, как предпосылок успеха бывает различным, решающую роль в достижении успеха всегда играет «личностный фактор». Успех зависит главным образом от того, насколько выгодно удастся людям преподнести себя как «личность», насколько красива их «упаковка», насколько они «жизнерадостны», «здоровы», «агрессивны», «надежны», «честолюбивы», более того, он зависит от их происхождения, принадлежности к тому или иному клубу и от знакомства с «нужными» людьми. Тип личности зависит до некоторой степени от той специальной области, работу в которой может выбрать человек. Биржевой маклер, продавец, секретарь, железнодорожный служащий, профессор колледжа или управляющий отеля, – каждый из них должен предложить особый тип личности, который независимо от их различий должен удовлетворять одному условию – пользоваться спросом.

Отношение человека к самому себе определяется тем фактом, что одних умений и наличия соответствующих способностей еще недостаточно для выполнения той или иной работы; для успеха необходимо еще победить в жесткой конкуренции. И если бы для того, чтобы заработать на жизнь,

было бы достаточно полагаться на свои знания и умения, то чувство собственного достоинства было бы пропорционально способностям человека, то есть его потребительной стоимости. Но так как успех зависит главным образом от того, как человек продает свою личность, то он чувствует себя товаром или, вернее, одновременно продавцом *и* товаром. Человека не заботят ни его жизнь, ни его счастье, а лишь то, насколько он годится для продажи.

Цель рыночного характера – полнейшая адаптация, чтобы быть нужным, сохранить спрос на себя при всех условиях, складывающихся на рынке личностей. Личности с рыночным характером по сравнению, скажем, с людьми XIX века не имеют даже своего собственного «я», на которое они могли бы опереться, ибо их «я» постоянно меняется в соответствии с принципом «Я такой, какой я вам нужен».

У людей с рыночным характером нет иных целей, кроме постоянного движения, выполнения всех дел с максимальной эффективностью, и если спросить их, *почему* они должны двигаться с такой скоростью, почему они стремятся к наибольшей эффективности, то на этот вопрос у них нет настоящего ответа, они предлагают одни лишь рационализации типа «чтобы было больше рабочих мест» или «в целях постоянного расширения компании».

Они не интересуются (по крайней мере сознательно) такими философскими или религиозными вопросами, как «*для чего* живет человек?» и «почему он придерживается того, а не

иного направления?». У них свое гипертрофированное, постоянно меняющееся «я», но ни у кого нет «самости», стержня, чувства идентичности. «Кризис идентичности» – этот кризис современного общества – вызван тем фактом, что члены этого общества стали безликими инструментами, чувство идентичности которых зиждется на участии в деятельности корпораций или иных гигантских бюрократических организаций. Там, где нет аутентичной личности, не может быть и чувства идентичности.

Люди с рыночным характером не умеют ни любить, ни ненавидеть. Эти «старомодные» эмоции не соответствуют структуре характера, функционирующего почти целиком на рассудочном уровне и избегающего любых чувств, как положительных, так и отрицательных, потому что они служат помехой для достижения основной цели рыночного характера – продажи и обмена, – а точнее, для *функционирования* в соответствии с логикой «мегамашины», частью которой они являются. Они не задаются никакими вопросами, кроме одного – насколько хорошо они функционируют, – а судить об этом позволяет степень их продвижения по бюрократической лестнице.

Поскольку люди с рыночным характером не испытывают глубокой привязанности ни к себе, ни к другим, им абсолютно все безразлично, но не потому, что они так эгоистичны, а потому, что их отношение к себе и к другим столь непрочное. Этим, возможно, также объясняется, почему их не беспокоит опасность ядерной и экологической катастрофы, несмотря даже на то, что

им известны все данные, свидетельствующие о такой угрозе. Тот факт, что этих людей не беспокоит угроза их собственной жизни, можно было бы, пожалуй, объяснить тем, что они чрезвычайно смелы и нисколько не эгоистичны; однако мы не можем принять такое объяснение ввиду отсутствия у них беспокойства и за своих детей и внуков. Это отсутствие беспокойства на всех уровнях является результатом утраты каких бы то ни было эмоциональных связей, даже с «самыми близкими». Дело в том, что у людей с рыночным характером нет «самых близких», они не дорожат даже собой.

Удивительно, почему современные люди так любят покупать и потреблять, но совсем не дорожат тем, что приобретают. Наиболее правильный ответ на этот вопрос заключается в самом феномене рыночного характера. Отсутствие привязанностей у людей с таким характером делает их безразличными и к вещам. И, пожалуй, единственное, что имеет для них какое-нибудь значение, – это престиж или комфорт, которые дают эти вещи, а не сами вещи как таковые. В конечном счете они просто потребляются, как потребляются друзья и любовники, поскольку и к ним не существует никаких глубоких привязанностей.

Цель человека рыночного характера – «надлежащее функционирование» в данных обстоятельствах – обуславливает его рассудочную в основном реакцию на окружающий мир. Разум в смысле *понимания* является исключительным достоянием *Nomosapiens*; *манипулятивный же интеллект* как инструмент

достижения практических целей присущ и животным, и человеку. Манипулятивный интеллект, лишенный разума, опасен, так как он заставляет людей действовать таким образом, что это с точки зрения разума может оказаться губительным для них. И чем более выдающимся является неконтролируемый манипулятивный интеллект, тем он опаснее.

Не кто иной, как Чарльз Дарвин показал трагедию человека, занятого исключительно наукой, трагедию отчужденного интеллекта и ее последствия. В своей автобиографии он пишет, что до тридцатилетнего возраста находил большое наслаждение в музыке, поэзии, живописи, но затем на многие годы утратил всякий вкус к ним: «Кажется, что мой ум стал какой-то машиной, которая перемалывает большие собрания фактов в общие законы... Утрата этих вкусов равносильна утрате счастья и, может быть, вредно отражается на умственных способностях, а еще вероятнее – на нравственных качествах, так как ослабляет эмоциональную сторону нашей природы» [Дарвин, 1957, с. 148]. Описанный Дарвином процесс развивался с тех пор очень быстро; возник почти полный разрыв между разумом и сердцем. Особого внимания заслуживает тот факт, что такое вырождение разума не коснулось большинства ведущих ученых, работающих в области точных и наиболее революционных наук (например, в теоретической физике). (...)

Преобладание рассудочного, манипулятивного мышления неразрывно связано с атрофией эмоциональной жизни. А поскольку эмоции не культивировались, считались ненужными

и рассматривались скорее как помеха для оптимального функционирования, они остались неразвитыми и так и не смогли превзойти уровня эмоционального развития ребенка. Поэтому лица с рыночным характером чрезвычайно наивны во всем, что касается эмоциональной стороны жизни. Их могут привлекать «эмоциональные люди», однако в силу своей наивности они часто не могут определить, являются ли такие люди естественными или фальшивыми. Вот почему так много обманщиков и мошенников добиваются успеха в духовной и религиозной сферах жизни; вот почему политики, изображающие сильные эмоции, очень привлекают людей с рыночным характером и почему последние не могут отличить подлинно религиозного человека от того, кто просто демонстрирует глубокие религиозные чувства. (...)

Во время окончательного редактирования рукописи этой книги мне представилась возможность прочесть подготовленную к публикации работу Майкла Маккоби «Игроки: новые корпоративные лидеры». В этом глубоком исследовании Маккоби анализирует структуру характера двухсот пятидесяти руководителей, менеджеров и инженеров двух преуспевающих крупных компаний в США. Многие полученные им результаты подтверждают то, что я описывал как черты кибернетической личности, особенно преобладание у нее рассудочной сферы и слабое развитие сферы эмоциональной. Принимая во внимание, что описываемые Маккоби руководители и менеджеры либо уже являются, либо будут лидерами американского общества,

результаты проведенного им исследования приобретают большое социальное значение.

Следующие данные, полученные Маккоби в результате проведения с каждым членом изучаемой группы от трех до двадцати интервью, дают нам четкое представление об этом типе характера:

Глубокий и живой научный интерес к пониманию динамичного смысла работы	0%
Сосредоточенный, энергичный, искусный, не испытывает, однако, глубокого научного интереса к природе вещей	22%
Интерес к работе стимулируется самой работой и является неустойчивым	58%
Умеренно продуктивный, несосредоточенный. Интерес к работе – в основном инструментальный, ради обеспечения заработка и надежного экономического положения	18%
Пассивный, непродуктивный, рассеянный	2%
Отрицая работу, отрицает реальный мир	0%
	100%

Особенно поразительны два факта: 1) отсутствие глубокого интереса к пониманию («разум») и 2) то, что у подавляющего большинства интерес к работе неустойчивый либо работа является в основном средством обеспечения надежного экономического положения.

Полной противоположностью этому является картина того, что Маккоби называет «шкалой любви».

Любящий, положительный, творческий	0%
Ответственный, сердечный, пылкий, но неглубоко любящий	5%
Умеренный интерес к другому человеку, способен любить более глубоко	40%
Традиционные интересы, благопристойный, ориентированный на ролевое поведение	41%
Пассивный, нелюбящий, равнодушный	13%
Отрицающий жизнь, черствый	1%
	100%

Никого в этом исследовании нельзя было охарактеризовать как «глубоко любящую личность», хотя 5% составляют «сердечные и пылкие». Всем же остальным свойственны умеренные или традиционные интересы, неспособность любить или прямое отрицание жизни – действительно, поразительная картина недостаточного эмоционального развития и явно выраженной рассудочности.

Этой общей структуре характера соответствует «кибернетическая религия» рыночного характера. За фасадом агностицизма или христианства скрывается откровенно языческая религия, хотя люди и не осознают ее как таковую. Эта языческая религия с трудом поддается описанию, ибо такое описание возможно лишь на основе того, что люди делают (и не делают), а не на основе их сознательных размышлений о религии или догмах той или иной религиозной организации.

Самым поразительным на первый взгляд является то, что человек превратил себя в бога, потому что он обрел техническую возможность создать второй мир вместо того мира, который, как утверждает традиционная религия, был впервые создан богом. Можно сформулировать эту мысль иначе: мы превратили машину в бога и, служа машине, стали подобны богу. Не важно, какую формулировку мы выберем: важно то, что люди, находясь в состоянии наивысшего реального *бессилия*, *воображают*, будто стали благодаря науке и технике поистине *всемогущими*.

И чем в большей изоляции мы оказываемся, чем менее эмоционально реагируем на окружающий мир и чем более неизбежным и катастрофическим кажется нам в то же самое время конец цивилизации, тем более пагубным становится влияние этой новой религии. Мы перестаем быть хозяевами техники и, напротив, становимся ее рабами, а техника – некогда жизненно важный элемент созидания – поворачивается к нам своим другим ликом – ликом богини разрушения (вроде индийской богини Кали), которой и мужчины и женщины жаждут принести в жертву и самих себя, и своих детей. Продолжая сознательно цепляться за надежду на лучшее будущее, кибернетическое человечество закрывает глаза на тот факт, что оно уже превратилось в поклонников богини разрушения. (...)

Фромм Э. *Забытый язык. Иметь или быть* //

Фромм Э. *Иметь или быть?* – М.: АСТ, 2009. - С. 352-385.

Вопросы и задания:

1. Что такое «социальный характер»?
2. Какие процессы оказывают влияние на формирование «социального характера»?
3. Как связаны социальный характер и религия?
4. Какие черты современного «социального характера» выделяет автор?
5. Что такое «рыночный характер»?

Кастовая иерархия (высший, над всем царящий закон) лишь освящает *порядок природы*, первостепенный естественный закон, над которым не властны ни произвол, ни какая-нибудь «современная идея». Во всяком здоровом обществе различаются и обуславливают друг друга три типа с различными в физиологическом смысле тяготениями центров тяжести – у каждого своя гигиена, своя сфера труда, свое особое мастерство и чувство совершенства. (...) природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных. Третьи – большое число, а первые и вторые – элита. Высшая каста – назову их «теми, кого всех меньше», – будучи совершенной, обладает и преимущественными правами тех, кого меньше всех, – среди этих прав привилегия воплощать на земле счастье, красоту и благо. Лишь наиболее духовным разрешена красота, разрешено прекрасное: лишь у них доброта не слабость... Порядок каст, *иерархия*, лишь формулирует высший закон самой жизни, различать три типа необходимо для того, чтобы поддерживать

жизнь общества, обеспечивать существование все более высоких и наивысших типов человека: *неравенство* прав – первое условие для того, чтобы существовали права... Право – значит преимущественное право, привилегия. У всякого свое бытие – и свои преимущественные права. Не будем недооценивать права *посредственностей*. Чем *выше*, тем тяжелее жить, – холод усиливается, возрастает ответственность. Высокая культура всегда строится как пирамида: основание широко, предпосылка целого – консолидированная, крепкая и здоровая *посредственность*. Ремесло, торговля, земледелие, *наука*, большая часть искусств, короче, вся совокупность профессиональной деятельности, – все это сочетается лишь со средним уровнем умений и желаний; все подобные занятия были бы неуместны для человека исключительного, – необходимый инстинкт противоречил бы и аристократизму, и анархизму. Что ты общественно полезен, что ты и функция, и колесико, предопределено природой: *не* общество, а то счастье, на какое только и способно подавляющее большинство людей, превращает *посредственность* в разумную машину. Для *посредственности* быть *посредственностью* счастье; быть мастером в чем-то одном, быть специалистом – к этому влечет природный инстинкт. Совершенно недостойно сколько-нибудь глубокого ума видеть в *посредственности*, как таковой, некий упрек. *Посредственность* сама по себе есть *первое* условие того, чтобы существовали исключения, – *посредственностью* обусловлена культура в ее высоком развитии.

Ницше Ф. Антихристианин

// Сумерки богов. – М., 1990. – С. 83–85.

Вопросы и задания:

1. На какие группы делит людей в обществе Ф. Ницше?
Почему подобное деление он считает естественным?
2. Каково отношение автора к идее социального равенства?
Согласны ли Вы с его аргументацией?

Не вдаваясь в детали, социальное равенство можно мыслить двояко: в смысле *абсолютного равенства одного индивида другому во всех отношениях*: и в смысле прав и обязанностей, и в смысле умственном, нравственном, экономическом и т. д. . . .

При последовательном проведении равенства этого типа не должно быть терпимо никакое неравенство в каком бы то ни было отношении. Идеалом его является стрижка всех людей под одну машинку и посильное стремление сделать их совершенно сходными друг с другом, своего рода стереотипными изданиями с одного и того же экземпляра... При таком понимании равенства не было бы места на жизненном пиру ни Сократу, ни Христу, ни Ньютону, ни Канту, ни Леонардо, ни Микеланджело, ни кому бы то ни было из великих. Царили бы одни посредственности и невежды. Иными словами, мораль этого равенства является раздачей премий невежеству, болезни, преступности и т. д. и ведет к полному застою культуры и ее приобретений.

Сказанного достаточно, чтобы отбросить это понимание социального равенства. Оно утопично, неосуществимо, ретроградно и социально вредно.

Но тогда остается одна возможность: равенство приходится понимать уже не в смысле тождества, а в смысле *пропорциональности социальных благ заслугам того или иного индивида*. Согласно этой формуле пропорциональности, права на социальные блага (богатство, любовь, слава, уважение и т. д.) не могут и не должны быть равны у простого маляра и Рембранта, у рядового работника науки и гения, у чернорабочего и Эдиссона и т. д. и т. п. «Каждому – по заслугам», «каждому – по мере выявленных сил и способностей», «каждому по мере таланта» – вот краткие формулы, выдвигаемые этой концепцией равенства...

Спросим себя теперь: *«Как же должно мыслиться социальное равенство в своем идеальном завершении?»* Означает ли оно только установление известной пропорциональности между заслугами индивида или группы и социальными ценностями (благами) за эти заслуги? Или же оно может мыслиться как равенство благ одной личности с благами всех остальных?

Выше мы отвергли так называемое абсолютное равенство. Отвергаем его и теперь. Но это не означает, что сам принцип «пропорционального равенства» при надлежащем развитии не может привести и не приводит к равенству абсолютному... Формула «каждому по его труду» означает, по существу, распространение полноты прав и благ почти на весь народ, на большую часть человечества. Мало того, так как занятие тем или иным социально полезным трудом доступно почти всем, никому оно не воспрещено, а напротив, рекомендуется...; так как, далее,

лентяйничество, праздность и тунеядство все резче и резче порицаются общественным сознанием, то можно и должно ожидать, что процент трудящихся будет все более и более расти с ходом истории, а процент бездельников – уменьшаться. Пределом его может быть и должно быть общество, где все (исключая, конечно, абсолютно неспособных, вроде младенцев, калек) будут трудиться и где не будет «ничего не делающих».

Если же это так, и если теорема пропорциональности заслуг и привилегий правильна, то отсюда вывод: *в обществе будущего полнота прав и социальных благ будет принадлежать всем*, т. е. каждый будет иметь право и возможность на получение полной доли и экономических, и духовных, и всяких других благ...

Сорокин П. Проблема социального равенства //

Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. –

М., 1992. – С. 252–253, 262.

Вопросы и задания:

1. Какие типы социального равенства выделяет автор? Перечислите и приведите примеры.
2. Что такое политика «пропорционального равенства»? Какие способы ее воплощения предлагает автор?
3. Каков идеал социального равенства по П. Сорокину?

...современный человек, освобожденный от оков доиндустриального общества, которое одновременно и ограничивало его, и обеспечивало ему безопасность и покой, не

приобрел свободы в смысле реализации его личности, то есть реализации его интеллектуальных, эмоциональных и чувственных способностей. Свобода принесла человеку независимость и рациональность его существования, но в то же время изолировала его, пробудила в нем чувство бессилия и тревоги. Эта изоляция непереносима, и человек оказывается перед выбором: либо избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной реализации позитивной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого (...).

Это выглядит так, будто в личной жизни ни внешние, ни внутренние авторитеты уже не играют сколь-нибудь заметной роли. Каждый совершенно «свободен», если только не нарушает законных прав других людей. Но обнаруживается, что власть при этом не исчезла, а стала невидимой. Вместо явной власти правит *власть «анонимная»*. У нее множество масок: здравый смысл, наука, психическое здоровье, нормальность, общественное мнение; она требует лишь того, что само собой разумеется. Кажется, что она не использует никакого давления, а только мягкое убеждение. Когда мать говорит своей дочери: «Я знаю, ты не захочешь идти гулять с этим мальчиком», когда реклама предлагает: «Курите эти сигареты, вам понравится их мягкость», – создается та атмосфера вкрадчивой подсказки, которой проникнута вся наша общественная жизнь. Анонимная власть эффективнее открытой, потому что никто и не подозревает, что существует некий приказ, что ожидается его выполнение.

В случае внешней власти ясно, что приказ есть, ясно, кто его отдал; против этой власти можно бороться, в процессе борьбы может развиваться личное мужество и независимость... В случае анонимной власти исчезает и приказ. Вы словно оказываетесь под огнем невидимого противника: нет никого, с кем можно было бы сражаться (...).

Коротко говоря, индивид перестает быть самим собой; он полностью усваивает тип личности, предлагаемый ему общепринятым шаблоном, и становится точно таким же, как все остальные, и таким, каким они хотят его видеть. Исчезает различие между собственным «я» и окружающим миром, а вместе с тем и осознанный страх перед одиночеством и бессилием. Этот механизм можно сравнить с защитной окраской у некоторых животных: они настолько похожи на свое окружение, что практически неотличимы от него. Отказавшись от собственного «я» и превратившись в робота, подобного миллионам других таких же роботов, человек уже не ощущает одиночества и тревоги. Однако за это приходится платить утратой своей личности...

Психологический робот живет лишь биологически, эмоционально он мертв; он двигается, как живой, но тем временем жизнь его, словно песок, уходит сквозь пальцы. Современный человек изображает удовлетворение и оптимизм, но в глубине души он несчастен, почти на грани отчаяния. Он судорожно хватается за все индивидуальное, он хочет быть «не таким, как все», ведь нет лучшей рекомендации для чего бы то ни

было, чем слова «что-то особенное». Нам сообщают имя железнодорожного кассира, у которого мы покупаем билет; сумки, игральные карты и портативные приемники «персонализированы» инициалами их владельцев. Все это свидетельствует о жажде «особенного», но это, пожалуй, последние остатки индивидуальности. Современный человек изголодался по жизни, но поскольку он робот, жизнь не может означать для него спонтанную деятельность, поэтому он довольствуется любыми суррогатами возбуждения: пьянством, спортом или переживанием чужих и вымышленных страстей на экране.

Что же означает свобода для современного человека?

Он стал свободен от внешних оков, мешающих поступать в соответствии с собственными мыслями и желаниями. Он мог бы свободно действовать по своей воле, если бы знал, чего он хочет, что думает и чувствует. Но он этого не знает; он приспособливается к анонимной власти и усваивает такое «я», которое не составляет его сущности. И чем больше он это делает, тем беспомощнее себя чувствует, тем больше ему приходится приспособливаться.

*Фромм Э. Бегство от свободы. —
М., 1989. — С. 8, 144–145, 159, 212–213.*

Вопросы и задания:

1. Почему, по мнению автора, человек современного общества охвачен чувством бессилия и тревоги? Согласны ли Вы с аргументацией автора?
2. Что подразумевает Э. Фромм под «анонимной властью»? В каких формах она навязывает себя человеку?
3. С помощью каких иллюзорных средств человек современного общества цепляется за свою свободу?

Вопросы для обсуждения на семинарском занятии:

1. Каковы особенности взаимоотношения человека и общества в индустриальный период?
2. Какие элементы современной мифологии и религии доминируют в обществе?
3. Можно ли охарактеризовать отношение к деньгам и вещам в современном обществе как отношение «религиозное»?
4. Какие черты формирует современное общество у человека?
5. Что такое социальное неравенство? Приведи примеры социального неравенства.
6. Дайте аргументированную оценку проявлениям социального неравенства в современном обществе.
7. Как выстраиваются отношения между человеком и властью в современном обществе (тоталитарные, авторитарные режимы)?
8. Феномен «тоталитарной демократии».

Темы докладов:

Тема 1. Массовое общество и массовый человек

Вопросы к докладу:

1. Какие основные черты массового человека выделяет автор?
2. Какие социальные факторы порождают массового человека?
3. Что порождает массовый человек?
4. Приведите пример продукта массовой культуры.

Литература:

1. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс (с. 68-73).
2. Канетти Э. Масса и власть (с. 7-18).

Тема 2. Способы бегства от свободы

Вопросы к докладу:

1. Что такое свобода по Э. Фромму («свобода от» и «свобода для»)?
2. Почему свобода имеет особое значение для человека, живущего в социуме?
3. В чем причина бегства от свободы?
4. Какие механизмы бегства от свободы выделяет автор?

Литература:

1. Фромм Э. Бегство от свободы. - М.: АСТ, 2011. Глава 2. Обособление индивида двойственность свободы; Глава 4. Два аспекта свободы для современного человека; Глава 5. Механизмы «бегства»).

Тема 3. Подлинность и неподлинность человеческого существования в обществе.

Вопросы к докладу:

1. Что означает тезис о том, что «существование предшествует сущности»?
2. В чем фундаментальное основание человеческой свободы в обществе?
3. Как обрести себя в обществе?
4. В каких условиях осуществляется выбор человеком самого себя в социальных условиях?

Литература:

1. Сартр Ж-П. Экзистенциализм - это гуманизм // Сумерки богов. - М.: «Политиздат», 1989. - С. 319-344.

Задание повышенной сложности:

Задание 1. В современном обществе тотального контроля и массовых форм организации очень трудно вывести собственное существование на уровень подлинности, когда человек сам создает, творчески формирует собственную жизнь. «Ведь человек свободен, и нет никакой человеческой природы, на которой я мог бы основывать свои расчёты» (Сартр Ж-П. «Экзистенциализм - это гуманизм»). Ориентируясь на текст Ж-П. Сартра «Экзистенциализм - это гуманизм», приведите конкретную ситуацию осуществления человеком подлинной свободы в условиях того, что общество предлагает человеку определенные варианты самореализации. «Учение, которое я

излагаю, прямо противоположно квиетизму, ибо оно утверждает, что реальность - в действии. Оно даже идёт дальше и заявляет, что человек есть не что иное, как его проект самого себя» (Сартр Ж-П. «Экзистенциализм - это гуманизм»).

Задание 2. Заполните таблицу проектирования, в которой обозначены социальные роли (навязанные обществом). Во втором столбце вам нужно привести те характеристики, которые современное общество связывает с данной ролью. В третьем столбце необходимо обозначить то, что хотите в эти роли привнести именно вы и то, чего в них хотите достичь именно вы.

Социальная роль	Социальные характеристики роли	Мой выбор осуществления социальной роли
Студент		
Дочь/Сын		
Мать/Отец		
Муж/Жена		
Работник		
Человек		

Задание должно быть выполнено в письменной форме.

Задание 3. Подготовьте развернутое сообщение продолжительностью 5-8 минут на тему: «Почему человеку необходимо найти смысл своей жизни?».

Задание 4. На основе философского анализа одного или нескольких произведений современной литературы или кино (по Вашему выбору) напишите рецензию, затрагивающую такие темы, как жизненный выбор человека, противостояние личности и общества, подлинное и неподлинное существование, проблема поиска собственной идентичности, свобода человека.

РАЗДЕЛ 3.

ТЕХНИКА И ОБЩЕСТВО

План:

1. Феномен техники: природа и общество, техника и общество.
2. Изменение отношения человек-техника в современном обществе.
  1. Техника как воплощение социальности: очеловечивание техники и технизация человека.
  2. Основные тенденции и опасности научно-технического прогресса.
3. Социальные проблемы современной цивилизации.

Философский словарь:

Техника, техническое знание, гуманитарная техника, инженерная техника, среда обитания, потребности, сциентификация техники, техницизм, технократическая концепция, антропология техники, технический прогресс, глобальные проблемы современности.

Фрагменты первоисточников:

Чтобы увидеть все многообразие форм проявления, охватываемых нами в понятии “техника”, было бы полезно сначала поставить вопрос об исторически зафиксированном первом значении этого слова. До начала Нового времени термины “techne” и “ars” делили на семь “artes mechanicae”

(механические искусства) и семь “*artes liberales*” (свободные искусства). Первые, “механические искусства”, охватывали земледелие (*agricultura*), охоту (*venatio*), мореходство (*navigatio*), ткацкое дело (*textura*), оружейное дело (*armatoria*), врачевание (*medicina*), театральное искусство (*spectaculum*). К этим семи искусствам относились виды деятельности, связанные с изготовлением инструментов, а также с подготовкой и дальнейшей обработкой соответствующих материалов (например, к ткацкому делу относились также шитье, раскрой, глажение и окрашивание материалов), далее - некоторые подыскусства (к работе оружейных дел мастеров относилось также участие в сооружении укреплений и других объектов; к врачеванию - фармация, диетика и оздоровительная гимнастика; к охоте - убой скота, поварское искусство, искусство хлебопечения). Этим семи искусствам были подчинены все родственные искусства и ремесла. Семи “механическим искусствам” противостояли семь “свободных искусств”, частично совпадавших с науками. Их обычно делили на так называемые “*Trivium*” (грамматика, диалектика и риторика) и “*Quadrivium*” (геометрия, арифметика, астрономия и музыка). Грамматика охватывала искусство языка, диалектика – логику и искусство мышления, риторика включала также умение применять общие законы к отдельным случаям (что вскоре обрело большое значение в юриспруденции). Именно софисты в свое время развили искусство мышления в “технику мышления”, напоминающую во многом современное его состояние (...).

(...) “техника” и в современном ее понимании не является чем-то ограниченным лишь сферой безжизненной материи. Она, напротив, охватывает весь известный универсум, начиная с неорганического, через органическое и до психически-духовных сфер бытия и отношений между людьми. Первым основополагающим существенным элементом является, очевидно, “встречный” характер. Техника всюду наблюдается как результат встречи человеческого духа с природой. Человеческий дух осмысливает природу и формирует или изменяет ее согласно своим намерениям и целям. Здесь решающим является то, что человеческое сознание, опираясь на созданную им технику, ведет себя по отношению к природе не только познавательно-примирительно, но и активно-преобразующе. Познавание природы и ее законов, и в особенности научно- методологическое познание, является условием, без которого техника невозможна. Но одно оно еще не составляет техники. Только применение познанных законов природы в целенаправленном изменении действительности основывает технику. Высвеченное выше широкое поле явлений технического не позволяет нам истолковать понятие “природа” в узком смысле. Под “природой” следует понимать здесь не только непосредственно данную нашему сознанию действительность (“природу” в узком смысле), но всю реальность, как она существует сама по себе, предшествующую всяким изменениям, производимым человеческой деятельностью (природа в широком смысле). В этом последнем смысле можно говорить и о “природе” самого

человеческого духа: под этим подразумевается то свойство духа, которое предшествует и лежит в основе любого свободного акта его деятельности (к “природе духа” относится, например, способность познания и свободной воли). Ибо потенциальная способность или предрасположение к познанию и свободе являются не продуктом, а предпосылкой и основой всякого познания и всякой свободной деятельности. Следовательно, здесь подразумевается не природа в узком смысле, природа в противоположность духу, но природа в широком смысле, включающая в себя как раз также и природу самого духа. Именно она и противоположна лишь свободному продукту духа, то есть “культуре”. Если мы примем за основу это всеохватывающее значение “природы”, то технику в таком случае следует понимать как изменение природы посредством сознания. При этом техническая воля стремится изменить не только уже существующие природные образования и состояния, но прежде всего пытается захватить в сферу своей деятельности естественные процессы становления: она направлена прежде всего на сами природные процессы. Под “природными процессами” следует понимать все процессы в органической, неорганической и психически-духовной сферах, происходящие сами по себе, согласно природе своего носителя и предшествующие всякому сознательному и свободному вмешательству. Также и техника мышления, мнемотехника и техника любви означают поэтому встречу сознания с “природой”, поскольку сознание в этом случае направлено на естественные

процессы мышления, запоминания и любви с целью познать их в их закономерностях и, в рамках возможностей, предоставляемых этим закономерностям, формировать их согласно своим намерениям, которые сами по себе могут быть морально ценными или, наоборот, лишенными ценности. При этом в каждом данном случае речь идет не о преобразовании (и тем более не о создании) самих законов природы, но о приспособлении к ним. Предметом технического изменения может стать природа не в ее закономерно-смысловой, но лишь в ее конкретной структуре. Первая, напротив, всегда является основополагающей предпосылкой и носительницей последней. И потому если мы несколько ниже скажем, что человек с помощью техники “создает” природу, то это вовсе не означает, что он создает ее в ее фундаментальном бытии, сущности и смысле, но лишь данную, конкретную структуру ее бытия. Обобщенно можно сказать: техника является нам как встреча человеческого духа с миром, при этом человек формирует и изменяет органическую, неорганическую и собственную психическую и духовную природу (как и соответствующие естественные процессы) согласно познанным им законам природы и своим целям.

Бек Х. Сущность техники // Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 173-177.

Вопросы и задания:

1. Что такое техника?
2. К каким явлениям природного и социального мира применимо понятие техники?
3. Почему автор характеризует технику как пространство встречи человеческого духа с миром?

Наша мировая модель была построена специально для исследования пяти основных глобальных процессов: быстрой индустриализации, роста численности населения, увеличивающейся нехватки продуктов питания, истощения запасов невозобновимых ресурсов и деградации природной среды.

Построенная нами модель, как и любая другая, несовершенна, чрезмерно упрощена и остается незавершенной. Понимая предварительный характер нашей работы, мы все же сочли важным опубликовать результаты работы модели и сделанные нами выводы сейчас.

... На наш взгляд, описываемая модель уже разработана достаточно, чтобы принести пользу людям, принимающим решения. Кроме того, нам кажется, что основные тенденции, проявившиеся в поведении модели, имеют настолько фундаментальный и общий характер, что едва ли наши широкие выводы будут серьезно опровергнуты дальнейшими исследованиями.

Вот эти выводы:

1. Если современные тенденции роста численности населения, индустриализации, загрязнения природной среды, производства продовольствия и истощения ресурсов будут продолжаться, в течение следующего столетия мир подойдет к пределам роста. В результате, скорее всего, произойдет неожиданный и неконтролируемый спад численности населения и резко снизится объем производства.
2. Можно изменить тенденции роста и прийти к устойчивой в долгосрочной перспективе экономической и экологической стабильности. Состояние глобального равновесия можно установить на уровне, который позволяет удовлетворить основные материальные нужды каждого человека и дает каждому человеку равные возможности реализации личного потенциала.

Если народы мира выберут не первый, а второй путь, то чем раньше они начнут работать, чтобы вступить на него, тем больше у них шансов на успех.

Все составляющие описываемого исследования - численность населения, производство продовольствия, загрязнение природной среды, расход невозобновимых ресурсов - растут. Каждый год они увеличиваются по закону, который математики называют экспоненциальным ростом.

Экспоненциальный рост величины означает, что за фиксированный период времени она увеличивается в фиксированное число раз.

Экспоненциальный рост - обычный процесс в биологических, финансовых и многих других системах.

Экспоненциальный рост - явление динамическое, значит, величины в этом процессе изменяются со временем. Когда множество различных величин в системе растет одновременно и все они находятся в сложной взаимосвязи, анализ причин роста и будущего поведения системы становится очень сложным.

На протяжении последних 30 лет в МТИ разрабатывается новый метод динамического изучения сложных систем. Этот метод был назван системной динамикой. В его основе лежит утверждение, что поведение системы часто настолько же зависит от ее структуры - множества замкнутых, взаимосвязанных, нередко запаздывающих взаимодействий между составляющими ее элементами, - насколько и от самих элементов. Модель мира, описанная в этой книге, построена по принципам системной динамики.

Экстраполяция существующих тенденций - проверенный временем способ заглянуть в будущее (особенно в ближайшее и особенно если на рассматриваемые величины не слишком влияют другие тенденции, наблюдаемые в системе). Конечно, ни один из пяти исследуемых факторов нельзя назвать независимым. Каждый постоянно взаимодействует с остальными. Мы уже упоминали о некоторых таких взаимодействиях. Численность населения не может увеличиваться, если нет продуктов питания, производство продуктов питания растет с ростом капитала, рост капитала требует ресурсов, отработанные ресурсы увеличивают

загрязнение, загрязнение среды влияет на рост численности населения и производство продовольствия.

Кроме того, каждый из этих факторов через долгое время начинает испытывать воздействие обратных связей.

В этой первой модели мира нас интересовали только качественные характеристики поведения системы «население - капитал». Под характеристиками поведения мы понимаем определенные тенденции переменных системы (численности населения, например, или уровня загрязнения среды) к изменению с течением времени.

Поскольку нас интересовали только самые общие характеристики поведения, первая модель мира не нуждалась в тщательной детализации. Мы рассматривали показатель «обобщенного населения», статистически отражающий средние характеристики населения земного шара. Мы взяли только один класс загрязняющих веществ - семейство долгоживущих широко распространенных на Земле элементов и соединений (таких как свинец, ртуть, асбест, биоустойчивые пестициды и радиоизотопы), динамическое поведение которых в биосистеме начало проясняться. Мы ввели в модель «обобщенные ресурсы» - величину, отражающую общие запасы всех невозобновимых ресурсов, хотя знали, что для каждого отдельного вида сырья характерна своя динамика, отражающая уровень запасов и скорость их истощения.

На этом этапе был необходим высокий уровень агрегации, чтобы модель оставалась обозримой. В то же время это

ограничивало информацию, которую мы надеялись получить, наблюдая за поведением модели.

Но можно ли узнать что-нибудь из такой сильно агрегированной модели? Можно ли сделать содержательные выводы из наблюдений над ней? Если стремиться получить точный прогноз, - нет, нельзя.

Однако настоятельно необходимо хоть сколько-нибудь понять причины роста, его пределы и возможное поведение модели, когда она подходит к этим пределам.

Все оценки в модели (численность населения, объем капитала, уровень загрязнения среды и пр.) отсчитываются от значений 1900 г. С 1900 по 1970 г. все переменные в общем соответствовали действительным значениям. Численность населения, составлявшая в 1900 г. до 1,6 млрд. человек, выросла к 1970 г. до 3,5 млрд. Хотя рождаемость медленно падает, уровень смертности снижается быстрее (особенно после 1940 г.) и темпы роста численности населения увеличиваются. Объем производства промышленной продукции, продуктов питания и услуг на душу населения растет по экспоненте. Запасы ресурсов в 1970 г. составляли почти 95% от значения 1900 г., но начинали угрожающе сокращаться, поскольку продолжается рост численности населения и объема промышленного производства.

Из поведения модели видно, что приближение к предельным значениям и коллапс неизбежны, и причиной этого в данном случае оказывается истощение запасов невозобновимых ресурсов. Объем промышленного капитала достигает уровня, где

требуется огромный приток ресурсов. Сам процесс этого роста истощает запасы доступного сырья. С ростом цен на сырье и истощением месторождений для добычи ресурсов требуется все больше средств и, значит, все меньше становятся капиталовложения в будущий рост. Наконец, капиталовложения не могут компенсировать истощения ресурсов; тогда разрушается индустриальная база, а вместе с ней система услуг и сельскохозяйственного производства, зависящие от промышленности (производство удобрений, пестицидов, работа исследовательских лабораторий и особенно производство энергии, необходимой для механизации). За короткий срок ситуация серьезно осложнится, потому что численность населения все еще растет из-за запаздывания, обусловленного возрастной структурой населения и несовершенством регулирующих мер. В конце концов численность населения снижается, поскольку повышается смертность в результате нехватки продуктов питания и медицинских услуг. Точно рассчитывать время этих событий не имеет смысла, так как уровень агрегирования модели высок и в ней присутствует множество неопределенных факторов. Однако важно, что рост прекращается около 2100 г. В каждом сомнительном случае мы старались выводить оценки с максимальным оптимизмом, пренебрегая случайными временными событиями, вроде войн или эпидемий, которые могли бы положить конец росту еще раньше, чем предсказывает модель. Другими словами, рост в модели продолжается дольше, чем это может оказаться в

реальном мире. С определенной уверенностью можно сказать, что если в современном мире не произойдет коренных изменений, рост численности населения и промышленного производства остановится не позднее начала будущего столетия.

Чтобы проверить результаты, касающиеся запасов ресурсов, мы удвоили оценку для 1900 г., сохранив все другие допущения такими, какими они были при обычном прогоне. Тогда уровень индустриализации оказался более высоким, потому что при подобном предположении запасы ресурсов истощаются не столь быстро. Но разрастающиеся промышленные предприятия загрязняют среду с такой скоростью, что нагрузка на природный поглощающий механизм оказывается предельной. Уровень загрязнения растет очень быстро, немедленно вызывая повышение смертности и сокращение производства продовольствия. И к концу прогона запасы ресурсов истощаются полностью, несмотря на удвоенное значение их первоначальной величины.

Обязательно ли в будущем мировая система будет расти, а потом придет к катастрофе, к мрачному полунищему существованию? Да, если предположить, что наш теперешний образ жизни не изменится. У нас достаточно свидетельств человеческой изобретательности и социальной гибкости. В системе заложены возможности множества многообещающих перемен, и некоторые из них уже произошли: «зеленая революция» повысила продуктивность сельского хозяйства в

аграрных странах; быстро распространяются способы регулирования рождаемости.

В истории человечества много примеров, доказывающих, что человек не умеет жить в ограниченных физических пределах, но есть и примеры успешного преодоления границ, и этот тип поведения вошел в культурные традиции многих народов современного мира. За последние 300 лет человечество накопило впечатляющий запас грандиозных технических достижений, которые позволили отодвинуть пределы демографического и экономического роста. Последний этап истории многих стран был настолько успешным, что народы, естественно, надеются и впредь прорываться через природные пределы с помощью технологии.

Но сможет ли новая технология противостоять стремлению системы к росту и последующему коллапсу?

Предположим, что «технологические оптимисты» правы и что с помощью ядерной энергии ресурсная проблема будет решена.

Предположим, что начиная с 1975 г. уровень загрязнения от всех источников снизится в 4 раза.

Предположим, наконец, что средняя урожайность с 1 га увеличится во всем мире вдвое. Кроме того, предположим, что с 1975 г. все страны принимают надежные меры по ограничению рождаемости.

Все это означает, что мы пытаемся так или иначе обойти пределы роста, вводя в каждый сектор модели систему

технологических мер. Моделируемая мировая система использует ядерную энергию, регенерирует ресурс и, разрабатывает самые глубокие залежи сырья, улавливает все загрязняющие вещества, собирает с полей немыслимые урожаи, в ней рождаются только дети, появления которых страстно желают их родители. И в результате все равно рост прекращается около 2100 г.

В этом повинны три одновременных кризиса. Нагрузка на землю вызывает эрозию, и производство продовольствия сокращается. Высокий уровень благосостояния населения, хотя он не превышает современного уровня благосостояния в США, обуславливает значительное истощение ресурсов. Загрязнение среды растет, снижается, затем снова резко растет, в результате чего опять сокращается производство продовольствия и повышается смертность. Технологические решения могут лишь продлить период демографического и промышленного роста, но не отодвинуть его конечных пределов.

Из-за множества неопределенных факторов, принятых приближений и ограниченности мировой модели не имеет смысла рассматривать подробно весь спектр возможных катастроф. Еще раз подчеркнем: ни один компьютерный результат ничего не предсказывает. Мы вовсе не думаем, что реальный мир буде вести себя согласно графикам, полученным из работы модели, особенно когда речь идет о коллапсе. Модель показывает динамику одних лишь «физических» аспектов человеческой деятельности. Она предполагает, что социальные

переменные - распределение доходов, традиционный состав семьи, выбор товаров, продуктов и услуг - будут придерживаться нынешней «линии поведения». Эта линия, отражающая человеческие ценности, была выработана в фазе роста цивилизации. И конечно, когда численность населения и объем производств начнут падать, ее нужно будет серьезно пересмотреть. Нам трудно себе представить, какие новые формы общественного поведения возникнут в связи с угрозой катастрофы, поэтому мы и не пытались моделировать социальные сдвиги. Наша модель достоверна только для отрезка времени, заканчивающегося точкой, за которой прекращается рост и начинается коллапс.

Во всех прогонах нашей модели содержится неявное утверждение, что рост численности населения и капитала будет продолжаться, пока не дойдет до определенных, «естественных» пределов. Это утверждение, очевидно, тоже должно стать основным положением в реальной современной системе человеческих ценностей. (...)

Допуская, что рост населения и капитала нельзя остановить произвольно, пока он сам не подойдет к собственным границам, мы не можем разрабатывать систему мер, которая позволит избежать катастрофы.

«Технологические оптимисты» надеются, что технология способна уничтожить или отодвинуть пределы роста численности населения и капитала.

Наша мировая модель показала, что технологические решения проблемы истощения ресурсов или загрязнения среды, или нехватки продовольствия не решают главной проблемы экспоненциального роста в конечной сложной системе. Попытки давать лишь самую оптимистическую оценку технологическим возможностям не предотвращают сокращения численности населения и производства и не отводят катастрофы, которая должна произойти к 2100 г.

К сожалению, модель на этой стадии разработки не показывает побочных социальных эффектов, которые часто оказываются самыми важными, когда речь идет о влиянии технологии на жизнь людей.

Прежде чем браться за широкомасштабное внедрение новой технологии, нужно научиться предвидеть и предупреждать социальные последствия. ...

Технологию можно сменить очень быстро, но политические и социальные институты изменяются медленно. Кроме того, реформы здесь почти никогда не предупреждают требования общества, а проводятся только в ответ на них.

Нужно помнить также и о социальном запаздывании оно - необходимо, чтобы позволить обществу освоиться с переменой или подготовиться к ней. Большинство таких запаздываний - физической или социальной природы - снижает устойчивость мировой системы и увеличивает вероятность предельных форм в ее поведении. Их влияние становится критическим, потому что

процессы роста увеличивают добавочную нагрузку на систему (...)

Хотя мы пока еще не в состоянии регулировать темпы технологического прогресса, могут появиться задачи, не имеющие технического решения, или возникнет комплекс взаимосвязанных проблем, который положит конец росту численности населения и объема капитала.

Технологическая борьба с природными механизмами, с помощью которых окружающая среда противостоит процессам роста, в прошлом была настолько успешной, что вся человеческая культура основывалась на преодолении пределов вместо того, чтобы учить человека жить в их рамках.

Но что лучше - жить, учитывая эти пределы и добровольно ограничивая рост, или расти, пока не приблизятся естественные границы, в надежде, что технологический скачок позволит преодолеть их? В течение последних столетий человечество так упорно и успешно следовало вторым курсом, что первая возможность была прочно забыта.

Многие могут не согласиться с тем, что рост населения и капитала скоро остановится, но никто не будет спорить, что рост материального производства на нашей планете не может продолжаться до бесконечности. На нынешнем этапе истории еще возможно в каждой сфере человеческой деятельности сделать выбор, о котором мы говорили. Человек пока имеет шанс определить пределы роста и остановиться возле них, ослабив силы, вызывающие рост капитала и численности населения, или

разработав контрмеры, или предпринимая и то и другое. Контрмеры могут оказаться не очень приятными. Они наверняка изменят социальную и экономическую структуру, глубоко укоренившуюся в человеческой культуре за долгие столетия роста. Но единственная альтернатива этому - ждать, пока технология не потребует больших затрат, чем в состоянии позволить себе общество, или пока отрицательные последствия технологических решений сами не остановят рост, или пока не возникнут проблемы, не имеющие технологических решений. В любом из этих случаев от нас уже не будет зависеть, у какой черты остановиться.

Вера в то, что технология в конце концов решит все проблемы, может отвлечь внимание от фундаментальных проблем, от проблемы роста в конечной системе, и не позволит предпринять действия, необходимые для ее решения.

Мы вовсе не собираемся заклеить технику как порождение дьявола, бесполезное или ненужное. Мы сами - технократы, работающие в технологическом институте. Мы твердо уверены... что многие технологические процессы, о которых шла речь - регенерация природных ресурсов, борьба с загрязнением среды, способы управления и контроля, средства ограничения рождаемости, - имеют жизненно важное значение для будущего человеческого сообщества, если ввести тщательный контроль за процессами роста. Мы осудили бы неразумное отрицание технологии так же сурово, как выступаем сейчас против неразумных упований на нее. Может быть, лучше

всего нашу позицию отражает девиз одного из экологических клубов: «Не слепое противодействие прогрессу, но противодействие слепому прогрессу».

Мы надеемся, что общество будет двигаться путем технического прогресса, если, прежде чем широко внедрять технологию, научится отвечать на три вопроса:

1. Какие побочные - физические и социальные - последствия вызовет широкомасштабное освоение нового технического направления?
2. Какие социальные перемены необходимы для внедрения нововведений и сколько времени они займут?
3. Какие следующие пределы встанут перед растущей системой, если нововведение позволит успешно преодолеть или отодвинуть естественные пределы роста? Что предпочтет общество - новые пределы или прежние, отодвинутые с помощью технических достижений?

Мы хотели бы найти условия, при которых модель представляет мировую систему, отвечающую следующим требованиям:

1. Устойчивость, которую не нарушает внезапная, не поддающаяся контролю катастрофа.
2. Способность удовлетворить основные материальные нужды всех людей на Земле.

Чрезмерный рост населения, обусловленный положительной для темпов прироста обратной связью, - явление недавнего времени, результат снижения смертности. Стабилизирующий

контур отрицательной обратной связи ослаб, и это позволило контуру положительной обратной связи развиваться без ограничений, взять на себя практически все управление процессом. Есть только два способа исправить возникший дисбаланс - либо снизить темпы прироста численности населения и привести их в соответствие с низким уровнем смертности, либо позволить уровню смертности снова возрасти. Все «естественные», «природные» меры по ограничению численности населения следуют по второму пути, ведут к повышению смертности. Любое общество, желающее избежать подобного исхода, должно добровольно регулировать контур положительной обратной связи - снизить темпы прироста численности населения.

Но этого недостаточно, чтобы предотвратить перенаселение и коллапс; эксперименты с моделью, при которых объем капитала остается постоянным, а население растет, показывают, что и стабилизации капитала недостаточно. А что если поставить под контроль оба контура положительной обратной связи? Стабилизируем в модели капитал, потребовав, чтобы рост капиталовложений был равен темпам амортизации. Для этого введем в модель еще одну связь, аналогичную той, которая стабилизирует численность населения.

Если в 1975 г. остановить рост населения, а в 1985 рост объема промышленного капитала, оставив все другие показатели неизменными, уровень численности населения и капитала окажется настолько высоким, что позволит обеспечить

достаточный объем производства продовольствия, промышленной продукции и услуг на душу населения. Но в конце концов истощение ресурсов приведет к снижению объема промышленного производства и временное равновесие нарушится. (...)

Можно добиться более благоприятного поведения модели, изменив технологические и ценностные установки, уменьшив таким образом стремление системы к росту.

Тогда стабилизированная численность населения будет лишь немного превышать нынешнюю. На душу населения приходится в среднем вдвое больше продуктов, чем в 1970 г., а средняя продолжительность жизни составляет около 70 лет. Средний объем промышленного производства на душу населения остается на современном уровне, а производство услуг утраивается. Средний уровень доходов на душу населения (промышленная продукция, продукты питания и услуги вместе взятые) составляет примерно половину нынешнего уровня доходов США, равен европейскому и в три раза превышает средний мировой. Ресурсы постепенно продолжают истощаться, как и должно быть по здравому смыслу, но это происходит так медленно, что у техники и промышленности есть время на поиски решения этой проблемы. Можно заменить наиболее нереальные предположения (о том, что мы в состоянии сразу и полностью стабилизировать численность населения и объем капитала) и вместо них сделать другие:

1. Вводятся идеальные эффективные способы ограничения рождаемости.
2. Число детей в семье в среднем - не более двух.
3. В экономической системе средний объем промышленного производства сохраняется примерно на уровне 1975 г. Огромные производственные мощности используются для производства товаров, а не для того, чтобы обеспечить превышение темпов капиталовложений над темпами амортизации.

Мы не думаем, что к 1975 г. в мире вдруг будет принят хоть один комплекс мер, необходимый для стабильности системы. Общество, избравшее своей целью добиться устойчивости, должно приближаться к ней постепенно. Однако важно понять, что чем дольше будет продолжаться экспоненциальный рост, тем меньше будет оставаться шансов прийти в конце концов к равновесию. В одном из прогонов модели мы проверили, что может произойти, если ввести описанные выше меры не в 1975 г., а в 2000. Тогда и численность населения, и объем промышленного производства на душу населения оказываются намного выше. В результате - очень высокий уровень загрязнения, резкое истощение ресурсов, несмотря на ресурсосберегающие стратегии. Задержка стабилизирующих мер на 25 лет приводит к тому, что потребление ресурсов за этот период оказывается почти равным их расходу за 125 лет, с 1875 по 2000 г., как было в предыдущем прогоне.

Можно возразить, что условия, введенные нами в модель, чтобы исключить характеристики, связанные с ростом и

последующим коллапсом, не только нереальны, но и нежелательны, опасны и сами могут привести к катастрофе. Каким бы способом мы ни старались снизить темпы прироста или отвлечь капитал от производства потребительских товаров, это в любом случае будет казаться неестественным и невообразимым, потому что ничего подобного никогда в человеческой практике не было и даже не предполагалось. И сейчас, в современном обществе, обсуждение таких фундаментальных перемен имело бы мало смысла, если бы мы были убеждены, что нынешние темпы ничем не ограниченного роста можно будет выдержать в будущем. Но все доказательства, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят о том, что из трех альтернатив - неограниченного роста, добровольного ограничения и выхода к естественным пределам роста - на самом деле реальны только две последние.

Добровольная остановка роста потребует значительных усилий. Многого нужно будет научиться делать по-новому. Потребуется мобилизовать всю человеческую изобретательность и гибкость, воспитать самодисциплину. Обдуманно и твердо положить конец росту - это труднейшее решение, с которым нелегко согласиться. Стоит ли конечный результат таких усилий? Что выиграет человечество и что потеряет? Обсудим более подробно, что будет представлять собой «не растущий» мир.

После долгих дискуссий мы решили назвать состояние, при котором численность населения и объем капитала поддерживаются на постоянном уровне, «равновесным».

Равновесие - это баланс или равенство противодействующих сил. В терминах динамики мировой модели противодействующими будут, с одной стороны, силы, заставляющие население и капитал расти (традиционно большие семьи, несовершенство мер, регулирующих рождаемость, высокие темпы капиталовложения), и с другой - силы, заставляющие население и капитал уменьшаться (нехватка продуктов питания, загрязнение окружающей среды, высокие темпы амортизации). Под «капиталом» мы здесь понимаем общий фонд капитала в сфере услуг, промышленности и сельского хозяйства. Лучше всего определить глобальное равновесие так: это состояние, когда численность населения и фонд капитала остаются неизменными, а между силами, заставляющими их расти или уменьшаться, поддерживается тщательно контролируемый баланс.

Здесь может быть много вариантов. Мы выдвигаем одно условие - капитал и численность населения остаются постоянными, но теоретически они могут оставаться постоянными или на высоком уровне или на низком... Чем дольше общество захочет сохранить состояние равновесия, тем ниже должен быть этот уровень стабилизации.

Если наша цель - сохранить равновесие системы на долгое время и добиться увеличения продолжительности жизни, можно перечислить минимальный набор условий глобального равновесия.

1. Объем капитала и численность населения остаются постоянными;

темпы рождаемости и смертности равны, как и темпы капиталовложений и амортизации.

2. Все начальные и конечные значения - рождаемости, смертности, капиталовложений и амортизации капитала минимальны.

3. Уровни, на которых стабилизируются капитал и численность населения, и соотношение между этими уровнями устанавливает общество согласно своим потребностям; когда технический прогресс откроет новые возможности, эти уровни можно свободно изменять и осторожно регулировать.

Такое равновесие не означает застоя. В пределах первых двух условий корпорации могут расширять или сворачивать свою деятельность, население страны или региона может расти или уменьшаться, доходы могут распределяться более или менее равномерно. Технический прогресс позволит постепенно расширять сферу услуг, обеспеченную постоянным фондом капитала. В пределах третьего условия любая страна может изменить средний уровень жизни, сбалансировав численность населения и объем капитала на другом уровне. Кроме того, общество может регулировать действие внутренних и внешних факторов медленно, под контролем, помня о намеченных целях, снижая или увеличивая объем капитала и численность населения или обе величины вместе. Три описанных условия динамического равновесия не потребуют и, вероятно, не смогут «заморозить» соотношение между численностью населения и объемом

капитала в мире, как это происходит сегодня. Они должны дать свободу миру, и не удерживать его в смиренной рубашке

Какой же будет жизнь в условиях глобального равновесия? Какие новшества не смогут осуществиться? По-прежнему ли общество будет страдать от неравенства и несправедливости?

Эти вопросы можно обсуждать, опираясь только на мысленные модели, поскольку формальных моделей социальных процессов в обществе, достигшем равновесия, не существует. Никто не может предсказать, какие институты создаст человечество в новых условиях. Нет, разумеется, никакой гарантии, что новое общество окажется лучше нынешнего, или что оно будет сильно отличаться от нашего. Но можно предположить, что раз уж ему не нужно будет бороться со многими проблемами, связанными с ростом, у него останется больше энергии и изобретательности для решения других задач. Мы действительно уверены (и еще докажем это), что к общественному развитию, благоприятствующему инновационным процессам и технологическому прогрессу, к обществу, основанному на равенстве и справедливости, гораздо легче прийти в состоянии равновесия, чем при нынешнем процессе роста. (...)

Численность населения и объем капитала - единственные величины, которые должны оставаться неизменными, в условиях равновесия. Любой же вид человеческой деятельности, не требующий большого притока невозобновимых ресурсов и не причиняющий вреда окружающей среде, может и дальше

развиваться до бесконечности. Многие занятия, которые люди считают самыми привлекательными и приносящими подлинное удовлетворение, - обучение, искусство, музыка, религия, фундаментальные научные исследования, спорт, общественная деятельность - вполне могут процветать.

Возможность заниматься всем этим сильно зависит от двух факторов. Во-первых, кроме продуктов, необходимых для удовлетворения основных жизненных потребностей, должен существовать некоторый излишек. Во-вторых, нужно свободное время. В состоянии равновесия относительное значение объема капитала и численности населения должно быть таким, чтобы удовлетворялись материальные потребности каждого человека. Когда этот уровень и необходимый объем продукции в основном задан, каждое нововведение в способе производства позволит высвободить время, и люди смогут посвятить свой досуг любому виду деятельности, который не требует затрат ресурсов или энергии и не вредит природе.

В обществе, достигшем состояния равновесия, технический прогресс будет и необходим, и желателен.

Конечно, мы нарисовали идеализированную картину глобального равновесия. Может оказаться, что прийти к описанному здесь состоянию невозможно; может случиться, что люди Земли выберут другие общественные формы. Мы хотели только подчеркнуть, что глобальное равновесие вовсе не означает конец прогрессивного развития человечества. Возможности,

открывающиеся перед обществом в состоянии равновесия, поистине беспредельны.

В состоянии равновесия не исчезнут трудности - ведь от трудностей не может избавиться ни одно общество. Равновесие заставит отказаться от каких-то свобод - от рождения большого числа детей, от бесконтрольного потребления ресурсов, - но оно принесет новые свободы - освободит человечество от загрязнения среды и перенаселения, от угрозы катастрофы мировой системы. Возможно, появятся и новые свободы - всеобщее образование; время для творчества и изобретательства, а главное, свобода от голода и нищеты, которой в нашем мире наслаждается слишком мало людей.

Мы почти ничего не сказали о практических ежедневных шагах, которые нужно делить, чтобы обеспечить надежное, устойчивое глобальное равновесие. Но ни наша модель, ни наши рассуждения не столь детальны, чтобы можно было ответить на все вопросы о переходе от роста к равновесию. Прежде чем какая-то страна решится на такой переход, понадобится еще много обсуждений и споров, тщательный анализ, новые идеи, высказанные самыми разными людьми.

Равновесное общество должно взвесить альтернативы, учитывая конечность и ограниченность Земли, и при этом не только опираться на нынешнюю систему ценностей, но и думать о будущих поколениях. ...

Нужно точно определить долгосрочные цели и согласовывать с ними краткосрочные.

В заключение напомним еще раз: необходимы срочные, безотлагательные действия... Мы не раз говорили, как важно для системы «население - капитал» учитывать естественное запаздывание. Если, например, в Мексике к 2000 г. постепенно снижать прирост населения от современного значения до уровня воспроизводства, население все равно будет расти до 2060 г., успев за это время увеличиться с 50 до 130 млн. человек... Мы не можем точно сказать, на сколько еще позволительно откладывать переход к контролю над процессами роста, прежде чем исчезнет последний шанс сохранить управление этими процессами. На основе имеющихся данных о естественных пределах роста, мы считаем, что фаза роста сможет продлиться не дольше следующих ста лет. И если мировое сообщество собирается ждать, пока не подойдет вплотную к пределам, но из-за фактора запаздывания ему придется ждать слишком долго.

Все это порождает тревогу, но и дает повод надеяться. Сознательно остановить рост трудно, но не невозможно. Путь ясен, человечество вполне способно совершить необходимые, хотя и совершенно новые, необычные для него шаги. В наш краткий исторический миг человек располагает уникальным запасом знаний, навыков, орудий труда и ресурсов. Он имеет все, что физически необходимо для создания совершенно новых форм человеческого сообщества, которое, будучи стабильным, послужило бы многим поколениям. Восстановить два недостающих звена - вот реальная долгосрочная цель, которая приведет человеческое общество к равновесию, и люди могут

достичь этой цели. Если же эту цель не поставить и не пытаться ее достичь, краткосрочные интересы и дальше будут питать экспоненциальный рост, ведущий систему к пределам и катастрофе. А поставив такую цель, взяв на себя такие обязательства, человечество уже сегодня будет готово начать сознательный, продуманный переход от роста к глобальному равновесию.

Кан Г. Грядущие 200. Сценарий для Америки и для мира.

Вопросы и задания:

1. Какие основополагающие проблемы современного общества выделяются в тексте?
2. Какие причины привели современное общество к такой ситуации?
3. Какие рецепты предлагают авторы в качестве выхода из сложившейся ситуации?
4. Что такое «равновесное общество» и как его достичь?

Бездумность - зловещий гость, которого встретишь повсюду в сегодняшнем мире, поскольку сегодня познание всего и вся доступно так быстро и дешево, что в следующее мгновение полученное так же поспешно и забывается. Усиливающаяся бездумность проистекает из болезни, подтачивающей самую сердцевину современного человека. Сегодняшний человек спасается бегством от мышления. Это бегство от мышления и есть основа для бездумности. Это такое бегство, что человек его

и видеть не хочет и не признается в нем себе самому. Сегодняшний человек будет напрочь отрицать это бегство от мышления. Он будет утверждать обратное. Он скажет - имея на это полное право, что никогда еще не было таких далеко идущих планов, такого количества исследований в самых разных областях, проводимых так страстно, как сегодня. Несомненно, так тратиться на хитроумие и придумывание по-своему очень полезно и выгодно. Без такого мышления не обойтись. Но при этом остается так же верно и то, что это лишь частный вид мышления. Его специфичность состоит в том, что когда мы планируем, исследуем, налаживаем производство, мы всегда считаемся с данными условиями. Мы берем их в расчет, исходя из определенной цели. Мы заранее рассчитываем на определенные результаты. Это рассчитывание является отличительной чертой мышления, которое планирует и исследует. Такое мышление будет калькуляцией даже тогда, когда оно не оперирует цифрами и не пользуется калькулятором или компьютером. Рассчитывающее мышление калькулирует. Оно непрерывно калькулирует новые, все более многообещающие и выгодные возможности. Вычисляющее мышление «загоняет» одну возможность за другой. Оно не может успокоиться и одуматься, прийти в себя. Вычисляющее мышление - это не осмысляющее мышление, оно не способно подумать о смысле, царящем во всем, что есть. Итак, есть два вида мышления, причем существование каждого из них оправдано и необходимо для определенных целей: вычисляющее

мышление и осмысляющее раздумье. Век, который сейчас начинается, недавно был назван атомным веком. Его самое неотступное знамение - атомная бомба, но это - примета лишь очевидного, так как сразу же признали, что атомная энергия может быть использована и в мирных целях. И сегодня физики-ядерщики всего мира пытаются осуществить мирное использование ее в широких масштабах. Крупные индустриальные корпорации ведущих стран, Англии в первую очередь, уже посчитали, что атомная энергия может стать гигантским бизнесом. В атомной промышленности узрели новое счастье. Атомная физика не останется в стороне. Она открыто обещает нам это. В июле этого года на острове Майнау восемнадцать лауреатов Нобелевской премии объявили в своем обращении дословно следующее: "Наука (т. е. современное естествознание) - путь к счастью человечества". Как обстоит дело с этим утверждением? Возникло ли оно из размышления? Задумалось ли оно над смыслом атомного века? Нет. Если мы удовлетворяемся этим утверждением науки, мы остаемся максимально далеко от осмысления нынешнего века. Почему? Потому что подумать-то мы и забыли. Потому что мы забыли спросить: благодаря чему современная техника, основанная на естествознании, способна открывать в природе и освобождать новые виды энергии? Это стало возможно благодаря тому, что в течение последних столетий идет переворот в основных представлениях, человек оказался пересаженным в другую действительность. Эта радикальная революция мировоззрения

произошла в философии Нового времени. Из этого проистекает и совершенно новое положение человека в мире и по отношению к миру. Мир теперь представляется объектом, открытым для атак вычисляющей мысли, атак, перед которыми уже ничто не сможет устоять. Природа стала лишь гигантской бензоколонкой, источником энергии для современной техники и промышленности. Это, в принципе техническое, отношение человека к мировому целому впервые возникло в семнадцатом веке и притом только в Европе. Оно было долго незнакомо другим континентам. Оно было совершенно чуждо прошлым векам и судьбам народов. Страшно на самом деле не то, что мир становится полностью технизированным. Гораздо более жутким является то, что человек не подготовлен к этому изменению мира, что мы еще не способны встретить осмысляюще мысля то, что в сущности лишь начинается в этом веке атома. Давайте испытаем осмысляющее мышление. Приспособления, аппараты и машины технического мира необходимы нам всем - для одних в большей, для других - в меньшей мере. Было бы безрассудно вслепую нападать на мир техники. Было бы близоручко проклинать его как орудие дьявола. Мы зависим от технических приспособлений, они даже подвигают нас на новые успехи. Но внезапно, и не осознавая этого, мы оказываемся настолько крепко связанными ими, что попадаем к ним в рабство. Но мы можем и другое. Мы можем пользоваться техническими средствами, оставаясь при этом свободными от них, так что мы сможем отказаться от них в любой момент. Мы можем использовать эти

приспособления так, как их и нужно использовать, но при этом оставить их в покое как то, что на самом деле не имеет отношения к нашей сущности. Мы можем сказать “да” неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать “нет”, поскольку мы запретим им затребовать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность. Но если мы скажем так одновременно “да” и “нет” техническим приспособлениям, то разве не станет наше отношение к миру техники двусмысленным и неопределенным? Напротив. Наше отношение к миру техники будет чудесно простым и спокойным. Мы впустим технические приспособления в нашу повседневную жизнь и в то же время оставим их снаружи, т. е. оставим их как вещи, которые не абсолютны, но зависят от чего-то высшего. Я бы назвал это отношение одновременно “да” и “нет” миру техники старым словом - “отрешенность от вещей”. Это отношение позволяет увидеть вещи не только технически, оно даст нам прозреть то, что производство и использование машин требует от нас другого отношения к вещам, которое не бессмысленно. Например, мы поймем, что земледелие и сельское хозяйство превратились в механизированную пищевую промышленность, что и здесь, как и в других областях происходит глубочайшее изменение в отношении человека к природе и к миру перед ним. Но смысл того, что правит этим изменением, по-прежнему темен. Итак, во всех технических процессах господствует смысл, который располагает всеми человеческими поступками и поведением, и не

человек выдумал или создал этот смысл. Мы не понимаем значения зловещего усиления власти атомной техники. Смысл мира техники скрыт от нас. Но давайте же специально обратимся и будем обращены к тому, что этот сокрытый смысл повсюду нас затрагивает в мире техники, тогда мы окажемся внутри области, которая и прячется от нас, и, прячась, выходит к нам. А то, что показывается и в то же время уклоняется - разве не это мы называем тайной? Я называю поведение, благодаря которому мы открываемся для смысла, потаенного в мире техники, открытостью для тайны. Отрешенность от вещей и открытость для тайны взаимно принадлежны. Они предоставят нам возможность обитать в мире совершенно иначе. Они обещают нам новую основу и почву для коренения, на которой мы сможем стоять и выстоять в мире техники, уже не опасаясь его. Отрешенность от вещей и открытость тайне дадут нам увидеть новую почву, которая однажды, быть может, даже возвернет в ином обличье старую, сейчас так быстро исчезающую. Правда, пока (и мы не знаем, как долго это будет продолжаться) человек на этой земле находится в опасном положении. Почему? Потому лишь, что внезапно разразится третья мировая война, которая приведет к полному уничтожению человечества и разрушению земли? Нет. Наступающий атомный век грозит нам еще большей опасностью, как раз в том случае, если опасность третьей мировой войны будет устранена. Странное утверждение, не так ли? Разумеется, странное, но только до тех пор, пока мы не мыслим. В каком смысле верно это утверждение? А в том, что

подкатывающая техническая революция атомного века сможет захватить, околдовать, ослепить и обмануть человека так, что однажды вычисляющее мышление останется единственным действительным и практикуемым способом мышления. Тогда какая же великая опасность надвигается тогда на нас? Равнодушие к размышлению и полная бездумность, полная бездумность, которая может идти рука об руку с величайшим хитроумием вычисляющего планирования и изобретательства. А что же тогда? Тогда человек отречется и отбросит свою глубочайшую сущность, именно то, что он есть размышляющее существо. Итак, дело в том, чтобы спасти эту сущность человека. Итак, дело в том, чтобы поддерживать размышление. Однако отрешенность от вещей и открытость для тайны никогда не придут к нам сами по себе. Они не выпадут на нашу долю случайно. Они уродятся лишь из неустанного и решительного мышления. Так в другой век и несколько по-другому сбываются вновь слова Иогана Петера Гебела: “Мы растения, которые — хотим ли мы осознать это или нет - должны корениться в земле, чтобы, поднявшись, цвести в эфире и приносить плоды”.

Хайдеггер М. Отрешенность // Разговор на проселочной дороге: Сборник. – М.: Высш. шк., 1991. – С. 103-104, 106-111.

Вопросы и задания:

1. Почему автор называет основной характеристикой (сердцевиной) современного человека бездумность (бегство от мышления)?

2. Что такое «вычисляющее мышление»? В чем его отличие от понимающего, осмысляющего мышления?
3. В чем, по мнению автора, выражается негативное влияние техники на сущность человека? Можно ли его избежать?
4. В чем польза от «отрешенности от вещей»?

Становится ли человек благодаря техническим средствам более гуманным? Придем ли мы к своего рода мутации человеческого существа? Позволит ли техника выполнить древний гуманный проект? Это было, в частности, верой Тейяра де Шардена... На конкретном примере современного искусства видно, что техника совершила радикальный разрыв и самые современные технические средства, используемые в искусстве (музыке, живописи, скульптуре, архитектуре), привели к созданию продукции... которая, строго говоря, ничего общего не имеет с тем, что человек продолжает, по крайней мере на протяжении пяти тысяч лет, считать творениями искусства, т.е. которые обладают смыслом, красотой, гармонией, связью со счастьем, возвышенностью духовных состояний. Современное искусство предстает совершенно противоположным всему этому. Мы не будем говорить, следовательно, что техническое искусство не является искусством, а лишь что все реализованное очень далеко от выполнения гуманного проекта античности, противоречит ему во всем и разрушает его. Человек нашего общества, после периода одержимости в труде, превратился в человека, очарованного разнообразием картинок,

интенсивностью шумов, дисперсией информации. В этих трех областях речь идет о воздействии технических средств на любого человека, даже если он не увлечен телевидением или спектаклями. Он буквально не может избежать этого. Я думаю о всеобщем усилении шума во всех формах современной музыки. Конечно, кто-то скажет: «Это не вина техники, это человек, пользователь включает свой приемник на полную мощность» (когда речь не идет о концерте). Но именно это мне и кажется вызывающим беспокойство. Именно факт, что слушатель требует, чтобы его снабжали музыкой, полностью давящей, разрушающей сознание, и именно этим он очарован. Он находится в состоянии наркомана, который не желает ничего другого. То же самое происходит с вторжением картинок, не только тех, которые распространяются на телевидении или в кино, а картинок рекламы, например, которые уже не являются рекламой нейтральной и неподвижной, изображаемой настенными афишами, а двигающейся и активной, следовательно, чрезвычайно привлекательной. Картинки закабаляют внимание и в то же время развлекают. Человек захвачен вселенной случайных и массово навязываемых возможностей. Конечно, я вовсе не хочу сказать, что подобная реклама заставляет покупать слушателя продукт. Вопрос не в этом. Но многочисленность этих захватывающих картинок растворяет, удерживает человека в полностью искусственной вселенной. Здесь нет никакой рефлексии, никакого выбора, никакого возможного обсуждения. Так что такая реклама вовсе

не безобидна. Если она преуспевает, так потому что учитывает реальности современного человека, его недостатки, его желания. А когда мы анализируем главные темы, то замечаем, что, с одной стороны, имеется тема насилия (очень характерны рекламные серии по различным объектам, но вращающимся вокруг императива: «Будьте современны», – и имеющие в своей основе, все без исключения, картинки агрессивности, завоевания, могущества, насилия), а с другой стороны, представлена, хотя и намного меньше, тема мужчин и женщин идиллически счастливых, красивых и т. д., т. е. имеется и целое рекламное течение, пропагандирующее дружбу, гостеприимство, знакомство... как раз по поводу того, что напоминает такое отношение менее всего. А компьютер становится настоящим ассистентом, необходимым по мере того, как излишество информации грозит для нормального человека превратиться в дезинформацию. К счастью, эта информация будет получена, полностью записана, усвоена и будет постоянно находиться в вашем распоряжении благодаря системе памяти. Но и здесь чудеса означают, что человек предстает неимущим. Компьютер не есть инструмент, который находится только на службе человека. У него имеется своя собственная функция, а человек лишается своей специфической власти выбора и хранения информации и ее комбинирования. И это абсолютно не та же самая операция, которая возлагается на компьютер. Она качественно изменяется по мере того, как в распределение и составление информации человеком вторгается главный

субъективный фактор, неизбежно отсутствующий у аппарата. Именно этот субъективный фактор делает информацию, составленную человеком, увязанной с принятием решений. Решение никогда не входило в задачу проблемы (которая может осуществляться компьютером), а всегда являлось “решением”, составляющим “гордиев узел”. Все эти примеры приведены для того, чтобы дать понять, что я подразумеваю под очарованным человеком. Это окружение из шума и картинок настолько захватывающе, суггестивно и развлекающе, что человек не может жить в стиле отстраненности, созерцания, размышления, а вынужден поддерживать стиль немедленности, очевидности и гипнотической деятельности.

Эллюль Ж. Технологический блеф // Это человек. Антология. – М.: Высш. шк., 1995. – С. 278-280.

Вопросы и задания:

1. Какую пользу приносит внедрение технических достижений в жизнь человека?
2. Способствует ли техника гуманизации (дегуманизации) человека?
3. В чем автор видит основные опасности для человека в современной рекламе?

Первоначальные движения “разрушителей машин” как форма протеста были весьма популярным феноменом начала XIX века. Ремесленники и квалифицированные рабочие видели в

машине конкурента, угрожавшего их рабочему месту и социальному статусу. Напротив, возникшая в это время консервативно-романтическая критика Просвещения и обещаний модернистов почти не брала технику под обстрел. Недовольство старых “антимодернистов” вспыхивало скорее в области религиозных, социально-политических и культурных вопросов. Экономика и техника вообще-то затрагивались, но они не стояли в центре романтической критики цивилизации. В противоположность этому, в последнее десятилетие XIX века сформировалось движение интеллектуального “антимодернизма”, видевшего в технике и экономике важнейший предмет своей критики. Возможно, это движение восприняло мотивы романтической вражды против рационализации и “расколдовывания” мира. В известном смысле это движение представляло собой альтернативу “проекту модернистов”. Консервативная критика цивилизации нападала почти на все аспекты современного индустриального общества, которое тогда уже обретало свои основные признаки. Она строила свою аргументацию исходя из перспективы упразднения существующего положения вещей. Оно смотрело назад, на лучшее прошлое, которому грозила гибель. Важным для этого интеллектуального движения было то, что техника оказалась в центре его критического внимания. Правда, в предшествующей традиции критики цивилизации со времен Руссо и еще ранее всегда делались замечания обо всем искусственном и о машинах, но такие замечания оставались в целом маргинальными. Обычно

использовалась излюбленная метафора о “господине и рабе”, с помощью которой пытались понять технику. Сторонники позитивных программ технического улучшения мира видели в технике главным образом “орудие”, с помощью которого человек должен добиться господства над природой. Техника, таким образом, мыслилась как нейтральное средство, пользуясь которым “человек” пытался достичь целей, не зависимых от этого средства. Человек функционировал как “господин”, а техника - как его “раб”. В этом отношении “человек - техника” ничто существенно не изменялось также и тогда, когда машину рассматривали в качестве средства эксплуатации человека, как утверждалось в социалистической критике капитализма. И в этом случае человек (капиталист, или буржуа) был “господином”, который применял машину как своего раба для того, чтобы властвовать над другими людьми. Поэтому требование социалистов сводилось лишь к положению, что техника должна применяться не для эксплуатации человека, а для господства над природой на пользу человека. В контексте консервативной критики культуры появился теперь новый мотив: машина, или “техника”, сама стала “господином”, тогда как “человек” превратился в ее “раба”. Господство техники проявилось в том, что человек сам приобрел черты машины: он стал автоматом, безвольно оказавшимся во власти самодвижущихся технических систем, которые уже не являются средствами для достижения цели, а стали самоцелью. Эта мысль об автономии техники легко связывалась со способом аргументации, исходящей из понятия

“отчуждение”. “Отчуждение” - понятие, сформировавшееся в немецком идеализме, согласно которому определенные типы духовной деятельности объективируются таким образом, что сам деятельный субъект воспринимает эти предметы как нечто чуждое. Так, правовые учреждения являются результатом человеческой деятельности, но они предстают человеку в такой форме объективности, в какой кажутся самозаконными. В этом случае задача мысли заключается в том, чтобы критически проанализировать эту объективность и раскрыть ее как продукт живого человеческого сознания. Отметим, что таким же образом велась и критика религии, утверждавшая, что свойства божественного следует рассматривать как проецированные свойства человека. В этой ситуации было уже нетрудно, по аналогии с такой моделью, интерпретировать и автономный технический мир как феномен отчуждения. Согласно этой концепции, технические структуры были продуктом человеческой деятельности, однако они были как-то лишены их подлинной цели и приобрели своевластие над слепым человеком. Исходя из этого, можно было выдвинуть требование вновь обрести “господство” над техникой, возвратив ей ее инструментальный характер. Этот мотив автономии техники сделал в XX веке примечательную “карьеру”. Из него можно вывести три типа аргументации: 1) Модель критики техники, согласно которой техника спонтанно несется к автоматическому “совершенству” (Ф. Г. Юнгер), подминающему под себя подлинно человеческое. Отсюда - постулат возврата к

подчинению техники, к восстановлению первичных человеческих потенций (И. Илли, Х. Йонас и другие). Эта модель существует почти непрерывно с конца XIX века вплоть до некоторых современных представителей критики техники. В нем все еще слиты элементы критики техники, рационализации, критики культурной “модернизации”, иррелигиозности, массовой эмансипации и т. п. Стало быть, речь идет о продолжении “консервативной” критики “модернизма”. 2) Технократическая модель. В 20-е годы нашего столетия выявилась примечательная трансформация консервативной критики техники в некое “героико-реалистическое” приятие современного технического мира “как судьбы”, которую следует осилить. Освальд Шпенглер и Эрнст Юнгер были первыми, сформировавшими этот способ аргументации, но они имели и своих последователей вплоть до 50-х и 60-х годов в лице таких теоретиков, как Ханс Фрайер, Арнольд Гелен и Хельмут Шельски. Эти последние также исходили из того, что технические системы обрели высокую степень автономии, однако были уверены, что от этой автономной техники можно ожидать, что она внесет структурный порядок в мир, который иначе может стать нестабильным и духовно опустошенным. Поэтому “технократия” - точное отражение отчужденной техники, с той лишь разницей, что теперь уже не ждут, будто техника может быть подчинена “человеческим целям”. Но именно в этом - ее структурирующая функция. 3) Неомарксистская модель. Если в XIX веке марксизм воспринимался как главным образом теория модернизации,

видевшая в технике лишь нейтральное орудие, то в XX веке открыли работы молодого Маркса, в которых идеалистическая теория отчуждения применяется или может быть применена в отношении мира труда и неявно - также и к технике. Экономика и техника здесь рассматриваются как “опредмеченности”, ставшие чуждыми человеку, которые, однако, деятельностью “разума” должны быть вновь приведены в подчинение человеку. Этот мотив обнаруживается и у представителей Франкфуртской школы от Герберта Маркузе до Юргена Хабермаса. Здесь много точек соприкосновения с консервативной критикой техники, однако перспектива иная: если культурологическая критика направлена против процесса модернизации в целом, то неомарксистская модель ориентирует на прогрессивное завершение “проекта модернистов” (следовательно, на полное подчинение всей техники, экономики и общества “господству разума”). Возникновение консервативной критики техники в конце XIX века имело реальное основание в опыте: в те годы уже становились явными новые системные характеристики современного технического мира. Перед лицом растущей сложности промышленных технических систем становились уже неприемлемыми разговоры об их “инструментальном характере”. Стало уже ясно, в насколько большей степени переплетены между собой отдельные области, какие возникли непреднамеренные побочные эффекты и в сколь значительной мере сами формы человеческого поведения и потребности моделируются, исходя из достижений техники. Мысль об

“автономии техники” отражала опыт того, что промышленная техника все более утверждается как система, преобразующая весь жизненный мир и самоорганизующая свои существенные свойства согласно собственной точке зрения. Техника уже не могла рассматриваться просто как средство для достижения (хорошей или дурной) цели, она скорее производила впечатление самодинамичности, свободной от внешних явлений. Если доводить это направление мысли до конца, то получалась картина “совершенствования техники” (Ф. Г. Юнгер), “мобилизации тотального трудового характера” (Э. Юнгер), “давления технических средств” (Х. Шельски) или “одномерного человека” (Г. Маркузе). В противоположность этому современное движение протеста исходит из знания того, что в действительности не существует никакого совершенствования техники, напротив, в экологическом кризисе становится ясным, что существующие технические системы имеют недостатки, несмотря на заверения, что они приспособлены к биосфере человека. Весьма далекая от “совершенства” (хотя на это надеялись технократы и этого боялись критики техники) сегодняшняя техника, как оказывается, обладает лишь средними возможностями. Она, с одной стороны достаточно эффективна, чтобы в рамках естественной амортизации как-то преодолеть свои нежелательные последствия; с другой же стороны, техника недостаточно компетентна для того, чтобы предвидеть все свои последствия или заменить все те процессы, которых лишилась природа по вине техники. Это становится достаточно явным в

таких проблемах, как гибель лесов, изменение химического состава атмосферы, что связано с непредвидимыми изменениями климата, отравление Мирового океана и тому подобные явления. Поэтому в современных движениях протеста восприятие этих новых проблем сливается с унаследованными нами из прошлого мотивами консервативной и неомарксистской критики техники, в результате чего получается необозримая и противоречивая смесь различных идеологий и требований. Это проявляется в том, что данные движения до сих пор еще не выработали никаких, достойных внимания теоретических проектов, с помощью которых можно было бы ввести устойчивый порядок в этот каталог восприятий и требований. Многие проекты исключают друг друга, иные же, если бы они были осуществлены, привели бы к катастрофическим последствиям. Они едины лишь в том, что индустриально-технический мир грозит нам бесчисленными опасностями, так что каждое нововведение вызывает, прежде всего, мысль о дальнейшем ухудшении. При этом речь идет о полном “переворачивании” старого, ориентированного на прогресс представления, согласно которому верили в то, что новое будет “лучше” старого. Выше мы говорили о темпорализации восприятия проблемы начиная с конца XVIII столетия. С одной стороны, это, по идее “прогресса”, могло привести к позитивному формированию “горизонта будущего”, но, с другой стороны, возникало и другое - видеть в будущем лишь “гибель”. Радикальность страха перед будущим - это та цена, которую нужно было платить за веру в прогресс. Надежда

на прогресс и страх перед будущим вот уже 200 лет шагают вместе, но в различное время они приобретают разный вес, так что можно говорить о периодах страха или надежды. В прошлом часто бывало так, что при том или ином взлете надежды ставка делалась на того или иного реального “спасителя”, обычно выступавшего в образе новой техники, которая или уже была зрима и с четко вырисовывавшимися контурами, или в этом можно было убеждать людей с помощью воздействия на их воображение. Однако вследствие того, что в современном экологическом кризисе сама техника оказалась в центре всех опасений, такой выход, кажется, сегодня мало вероятным. За техническими возможностями всегда витают те или иные идеологические установки. Климат общественного мнения скорее препятствует переходу к новой релятивизации кризиса. И мы пока не видим ни одной модели, которая бы смогла вновь оживить старую концепцию “прогресса” или поставить на ее место нечто иное. Во всяком случае, кажется сомнительным, чтобы в ближайшее время консолидировалось какое-либо социальное и политическое движение, которое бы в своей программе покоилось на столь слабых противоречивых основаниях.

Зиферле Р. П. Исторические этапы критики техники //
Философия техники в ФРГ. – М.: Прогресс, 1989. – С. 266 – 272.

Вопросы и задания:

1. В чем проявляется отчуждение техники от человека? Приведите примеры господства техники над человеком.
2. Почему, по мнению автора, технократизм является проявлением отчужденной техники?
3. Каковы предпосылки формирования автономии техники?
4. Какие опасности таит в себе научно-технический прогресс?

Вопросы для обсуждения на семинаре:

1. Охарактеризуйте современную ситуацию, в которой находится глобальный мир.
2. Охарактеризуйте отношение человека к природе, которое привело ко многим современным глобальным проблемам.
3. Какие глобальные проблемы современного человечества вы знаете? Приведите примеры.
4. Охарактеризуйте влияние техники на современного человека и на мир в целом? Какие положительные и отрицательные примеры влияния техники вы можете обнаружить в своей повседневной жизни?
5. Какое влияние оказывает технический прогресс на мышление человека? Сравните «вычисляющее мышление» и «осмысляющее мышление».
6. Что такое феномен «отчужденной техники»?
7. Что такое техногенная цивилизация? Какие отрицательные черты техногенной цивилизации вы можете выделить? Приведите примеры.
8. Способствует ли техника формированию нового гуманизма?

Темы докладов:

Тема 1. Техника и общество.

Вопросы к докладу:

1. Понятие техники.
2. Роль техники в жизни общества и человека.
3. Социальные последствия научно-технического развития.

Литература:

1. Бердяев Н. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. - 1993. - С. 3-38.

Тема 2. Виртуальная реальность.

Вопросы к докладу:

1. Понятие виртуальной реальности.
2. Свойства виртуальной реальности.
3. Применение виртуальной реальности в компьютерных играх, обучении, кинематографе.

Литература:

1. Иванов А.Е. Виртуальная реальность // История философии.
2. Энциклопедия. - Минск, 2002. - С.183-186.
3. Россохин А. В., Измагурова В.Л. Виртуальное счастье или виртуальная зависимость (опыт психологического анализа виртуальных исследований) // Россохин А. В., Измагурова В.Л. Личность в измененных состояниях сознания. - М.: Смысл, 2004 -С. 516-523.

Задания повышенной сложности:

Задание 1. Игра-дискуссия на тему «Техника и общество: инженерная и гуманитарная философия техники».

Проверяемая компетенция - умение применять социально-философский анализ техники в режиме открытой дискуссии.

Игра проводится на семинарском занятии в течение 2 аудиторных часов.

Группа студентов делится на две команды (по 6-7 человек в каждой).

Объявляются две противоположные позиции в оценке роли техники в современном обществе (инженерная философия техники и гуманитарная философия техники). Согласно жребию каждой команде выпадает одна из позиций.

Командам необходимо:

1. выработать тезисы, выносимые на защиту;
2. сформулировать примеры из сферы общественного развития, демонстрирующие значимость позиции;
3. сформулировать деструктивные вопросы к противоположной команде;
4. придумать название команды, соответствующее отстаиваемой позиции;
5. выбрать лидера, который объявит позицию команды и даст развернутую характеристику каждому тезису.

В конце игры объявляется результат, выделяются удачные аспекты, разбираются ошибки, преподаватель подводит итоги изучения темы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раздел «Социальная философия» в курсе философии для прикладного бакалавриата технических направлений подготовки является одним из самых важных и актуальных. Через него достигается понимание социальных ограничений деятельности и воли индивида, социальной обусловленности технического и научного развития, индивидуальной жизни. Освоение навыков теоретической деятельности в русле социально-философского анализа реальности приобретает особую важность в качестве базового навыка для создания современных социальных проектов, для разработки социально-ориентированной науки и техники.

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ»
г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Тел: (343) 362-91-16, 362-91-17